

КАМИЛЛА ГРЕБЕ

18+

НА ЛЬДУ

*В этой книге все не то, чем кажется... Невозможно оторваться.
Камилла Гребе — очень умный и наблюдательный писатель.*

Norran

Триллер по-скандинавски

Камилла Греббе

На льду

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

Гребе К.

На льду / К. Гребе — «Издательство АСТ», 2015 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-097447-4

Эмма, скромная красавица из магазина одежды, заводит роман с одиозным директором торговой сети Йеспером Орре. Он публичная фигура и вынуждает ее скрывать их отношения, а вскоре вообще бросает без объяснения причин. С Эммой начинают происходить пугающие вещи, в которых она винит своего бывшего любовника. Как далеко он может зайти, чтобы заставить ее молчать? Через два месяца в отделанном мрамором доме Йеспера Орре находят обезглавленное тело молодой женщины. Сам бизнесмен бесследно исчезает. Опытный следователь Петер и полицейский психолог Ханне, только узнавшая от врачей о своей наступающей деменции, берутся за это дело, которое подозрительно напоминает одно нераскрытое преступление десятилетней давности, и пытаются выяснить, кто жертва и откуда у убийцы такая жестокость.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-097447-4

© Гребе К., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Петер	5
Эмма	13
Ханне	23
Эмма	29
Петер	34
Эмма	39
Ханне	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Камилла Гребе

На льду

Посвящается Эстель и Фредрику

Ты не знаешь, кто тебе друг, а кто враг, пока лед под тобой не треснет.

Инуитская поговорка

Петер

Я стою в снегу перед могилой матери, когда звонит телефон. На могиле простой памятник, едва достающий мне до колен, из грубо обтесанного куска гранита.

Мы с мамой часто говорили о трудной работе полицейского в городе, где люди интересуются только своей персоной, и о том, что жить среди таких людей непросто.

Кроссовки утопают в мокром снегу. Я достаю телефон и отворачиваюсь от памятника. Мне неловко говорить по телефону у могилы матери.

Передо мной простирается кладбище Скутсчюркогорден, окутанное туманом. Сосны торчат из снега, как восклицательные знаки, кричащие, что жизнь не вечна. С веток и памятников капает вода. Оттепель.

Вода уже просочилась в кроссовки и хлупает внутри, напоминая о том, что все-таки следовало купить те ботинки в магазине. Вдали видны темные фигуры среди сосен. Наверно, пришли ставить свечи или цветы на могилу. Скоро Рождество.

Я возвращаюсь на расчищенную от снега тропинку и смотрю на дисплей телефона, хотя и так знаю, кто звонит. Внутри уже появилось это странное ноющее ощущение, которое так хорошо мне знакомо.

Прежде чем ответить, бросаю последний взгляд на могилу. Машу рукой на прощание и шепчу, что скоро вернусь. Разумеется, в этом нет нужды. Она знает, что я вернусь. Я всегда возвращаюсь.

Я еду в город по плохо освещенной улице Нюнэсвэген. Красные габаритные огни машин, едущих впереди, указывают мне дорогу. Вдоль дороги лежат сугробы из грязного осевшего снега. Низкие депрессивные здания на въезде в Стокгольм. Лампы в виде рождественских звезд освещают окна, подобно бенгальским огням. Снова пошел снег, смешанный с дождем. Он залепил переднее стекло и смягчил контуры окружающего пейзажа. Шум мотора смешивается с ритмичным звуком дворников.

Убийство. Еще одно убийство.

Много лет назад, когда я был еще сравнительно молодым полицейским и неопытным следователем, звонки с информацией об убийстве всегда вызывали у меня волнение. Убийство тогда означало для меня загадку, которую нужно было разгадать, моток спутанной пряжи, который надо распутать. Тогда я верил, что любое преступление можно расследовать. Нужно только запастись терпением, набраться энергии и потянуть за нужные ниточки. Реальность казалась мне паутиной из таких ниточек. И я верил, что способен ее распутать.

Но больше я ни в чем не уверен. Может, утратил интерес к этой паутине, может, потерял нить и не знаю, за какую нитку тянуть. Со временем мое отношение к смерти тоже изменилось. Смерть забрала мать, которая теперь покоится в болотистой земле кладбища Скутсчюркогорден. Анника, моя сестра, похоронена на том же кладбище, недалеко от матери. А скоро и отец там окажется, если не перестанет пить по-черному на побережье в Испании, где он теперь про-

живает. Преступления уже не кажутся мне такими уж важными. Конечно, я занимаюсь расследованием. Я выражаю в словах то, что кажется невыразимым. Человека лишили жизни. Описываю события, предшествующие преступлению. Пытаюсь вычислить убийцу и сделать так, чтобы он ответил за свои деяния перед лицом правосудия. Но мертвых это к жизни не вернет, не так ли?

И сейчас мне сложно видеть смысл в том, что я делаю. Стужаются сумерки, и я понимаю, что за весь день так и не видел солнца. Еще один серый декабрьский день из целой череды пасмурных дней этой зимой. Движение становится более плотным. Я еду на север по шоссе E18. Дорогу ремонтируют. Машина подпрыгивает на рытвинах. Ароматизатор воздуха в виде елочки трясется перед глазами.

Когда я проезжаю университет, звонит Манфред. Говорит, что в деле замешана какая-то важная шишка и что мне лучше приехать как можно скорее, прежде чем туда доберется пресса.

Я вглядываюсь в темноту индустриальных кварталов, отвечаю, что ему придется общаться с прессой, потому что дорога вся в дырках, как швейцарский сыр, и я не хочу отбить себе всю задницу, гоня на бешеной скорости.

Манфред разражается хохотом в трубку. Его смех больше похож на хрюканье поросенка. Впрочем, я к нему несправедлив. Манфред полноват и действительно напоминает откормленного поросенка. Но я смеюсь наверняка ничуть не элегантнее. Все мы несовершенны.

Мы работаем вместе больше десяти лет, я и Манфред. Год за годом мы стояли рядом перед столом для вскрытия, допрашивали свидетелей, утешали несчастных родственников.

Год за годом мы ловили преступников и делали мир лучше и безопаснее. Или нам это только показалось? Все эти люди в морге в Сольне мертвы и останутся мертвы. На веки вечные.

Мы патрулируем общество, пытаемся собрать воедино осколки, когда ваза уже разбита. Жанет сказала, что у меня депрессия, но я ей не верю. И в депрессию я тоже не верю. Просто не верю и все. Скорее считаю, что я наконец примирился с реальностью и вижу жизнь такой, какая она есть. Жанет возражает, что именно так думают люди, страдающие депрессией. Они не видят ничего, кроме собственного жалкого положения. Я обычно отвечаю, что депрессию выдумали фармацевтические компании, чтоб еще больше обогатиться, и что я не имею никакого желания помогать им в этом. А когда Жанет начинает расспрашивать о моем здоровье, я кладу трубку. Уже прошло пятнадцать лет после нашего разрыва, и нет никакой причины обсуждать с ней мое самочувствие. И тот факт, что она является матерью моего единственного ребенка, ничего не меняет.

Альбину не стоило появляться на свет. Нет, он нормальный ребенок. Обычный подросток с прыщами и избытком тестостерона, зависимый от компьютерных игр. Просто я не был готов стать отцом. В самые мрачные часы (а их становится все больше с годами) я думаю о том, что Жанет забеременела специально. Выбросила противозачаточные и залетела, чтобы отомстить за свадьбу. Наверняка так и было. Я никогда не узнаю правду. Впрочем, это уже не важно. Альбин живет с матерью. Мы иногда встречаемся, не часто. Обычно по праздникам – в Рождество, в день летнего солнцестояния и в его день рождения. Я думаю, так лучше для мальчика. Ему не стоит много со мной общаться. Не хочу, чтобы он тоже во мне разочаровался.

Иногда я думаю о том, почему не держу в кошельке его фото, как делают другие (настоящие) родители. Например, школьное фото с эффектом «сепия», снятое в спортивном зале фотографом, чьих творческих амбиций хватило только на съемки в школах.

Но я знаю, что это будет самообманом. Отцовство надо заслужить. Это право получает тот, кто встает к ребенку по ночам, меняет пеленки и делает все то, что нужно. Отцовство не имеет никакого отношения к генам, которые я, неосознанно, передал вместе со своей спермой пятнадцать лет назад Жанет, мечтавшей о ребенке.

Я вижу дом издалека. Он ничем не выделяется из ряда белых коробок в эксклюзивном пригороде столицы, но весь окружен полицейскими машинами. Синие мигалки освещают снег.

Белый фургон криминалистов аккуратно припаркован рядом. Я оставляю машину внизу на дороге и поднимаюсь вверх к вилле. Здравуюсь с полицейскими, показываю удостоверение, подлезая под сине-белую ленту, качающуюся на ветру.

Манфред Ульссон стоит в дверном проеме. Его тучное тело загораживает вид. Он приветственно поднимает руку. На нем твидовый блейзер с розовым платком в наружном кармане. Широкие брюки аккуратно заправлены в синие бахилы.

– Черт тебя подери, Линдгрэн, я думал, ты никогда не доедешь.

Я смотрю на него. Маленькие темные глазки глубоко посажены на красном лице. Тонкие рыжие волосы зализаны, как у актеров в фильмах пятидесятых. Он больше похож на торговца антиквариатом, или историка, или сомелье, чем на полицейского. И Манфред прекрасно знает, что не похож на полицейского. Мне кажется, он нарочно так эксцентрично одевается, чтобы провоцировать других полицейских. Ему нравится играть в игры.

– Как я уже говорил...

– Да-да... дорожные ремонты, – отвечает Манфред. – Знаю я тебя. От просмотра порнушки не мог оторваться.

Его грубый язык резко контрастирует с его тщательно продуманным внешним видом. Он протягивает мне бахилы и перчатки и, понизив голос, сообщает:

– Это омерзительно. Иди сам посмотри.

Я надеваю бахилы, перчатки и ступаю на пластиковые плитки, которые криминалисты постелили на полу в прихожей. В нос мне ударяет удушливый запах крови. Я инстинктивно отшатываюсь, хотя этот запах мне давно знаком. Мне становится не по себе. Несмотря на то что я тысячу раз был на месте преступления, от близости к смерти у меня всегда мурашки на коже. Может, пугает осознание того, как быстро наступает смерть. Как мало нужно, чтобы человек ушел из жизни. Хотя бывают и случаи, когда место преступления или состояние тела свидетельствуют о том, что человек долго боролся за свою жизнь.

Я киваю криминалистам в белых комбинезонах и осматриваюсь. Прихожая совершенно безликая. Непонятно даже, кто живет в доме, мужчина или женщина. Или, может, такой стиль и называют мужским? Белые стены, серый пол, никаких личных вещей, которые обычно встречаются в прихожей, – одежды, сумок, обуви. Я ступаю на следующий лист пластика и заглядываю в кухню. Сверкающие черные панели. Стол в форме эллипса со стульями. Я видел его в каком-то журнале. Ножи на стене в ряд, как на параде. Отмечаю, что все ножи на месте. Манфред кладет мне руку на плечо.

– Сюда.

Я иду дальше. Прохожу криминалиста с камерой и блокнотом. Вижу пятно крови под пластиком. Нет, это не пятно, это целое море крови. Красное липкое море свежей крови. Оно занимает почти половину прихожей, простираясь от стены до стены и спускаясь дальше в подвал. Кровавые отпечатки ведут к двери на улицу.

– Чертовски много крови, – бормочет Манфред, проворно пробираясь вперед по пластиковым плиткам. Табличка с номером стоит рядом с комком окровавленной одежды. Я вижу ногу в черном сапоге на каблуке и тело женщины. Она лежит на спине, отвернув голову от меня. Через секунду я понимаю, что ей отрубили голову и что то, что я принял за одежду, и есть голова, лежащая на полу. Точнее стоящая, словно ее кто-то поставил. Глядя на нее, кажется, что она вырастает из пола, как гриб.

Манфред с пыхтением опускается на корточки. Я наклоняюсь, пытаюсь осознать, что передо мной. Естественная реакция – отвернуться, закрыть глаза, но я уже давно научился справляться с рефлексом и заставлять себя смотреть на труп.

Лицо и темные волосы женщины заляпаны кровью. Я бы дал ей лет двадцать пять, но это сложно, учитывая состояние, в котором находится тело. Тело тоже все в крови, но я различаю

царапины на руках. Погибшая одета в черную юбку, черные колготки и серую кофту. Под телом я замечаю пуховик.

– Кошмар.

Манфред кивает и берется за подбородок.

– Ей отрезали голову.

Я киваю. Возразить тут нечего. Очевидно, именно это и произошло. Требуется немалая сила, чтобы отделить голову от тела. Это многое говорит о преступнике. Мы знаем, что он или она обладает достаточной физической силой. Или очень сильной мотивацией.

– Нам известно, кто она?

Манфред качает головой.

– Нет, но мы знаем, кто владелец дома.

– Кто?

– Йеспер Орре.

Имя звучит знакомо. Спортсмен? Политик? Но я не помню, где слышал его раньше.

– Йеспер Орре?

– Да, Йеспер Орре. Директор «Клотс и Мор». Теперь я вспоминаю. Скандальный директор «К и М», самой быстро растущей сети магазинов одежды в Скандинавии. Излюбленный объект бульварной прессы. О нем часто писали. О его нестандартных методах управления компаний, о его романах с женщинами, о его неpolitкорректных заявлениях для прессы.

Манфред вздыхает и поднимается. Я следую его примеру.

– Орудие убийства? – спрашиваю я.

Он молча показывает направление. Рядом с лестницей, ведущей в подвал, лежит большой нож, больше похожий на мачете. Отсюда трудно разглядеть. Рядом стоит табличка с номером «пять».

– А этот Орре? Мы его взяли?

– Нет. Никто не знает, где он.

– Что еще нам известно?

– Тело обнаружила соседка, которая заметила, что дверь открыта. Мы с ней говорили. Она испытала шок и сейчас находится в больнице. Слабое сердце. Но в любом случае ничего полезного она не сказала, только, к сожалению, много натоптала в прихожей. Не знаю, найдем ли мы отпечатки ног.

На улице на снегу тоже следы крови. Видимо, убийца вытерся снегом после преступления.

Я осматриваю прихожую. Пол залит кровью. На стенах кровавые пятна и кровавые отпечатки рук. Сцена напоминает картину Джексона Поллока. Кажется, что кто-то разлил красную краску на полу, а потом разбрызгал по стенам.

– Судя по всему, смерти предшествовала драка, – продолжает Манфред. – У убитой женщины раны на руках. Судмедэксперт считает, что она умерла вчера между тремя и шестью часами вечера. Жертве около двадцати пяти лет. Причина смерти – отделение головы, как ты сам видишь.

Манфред замолкает.

– А голова? – спрашиваю я. – Это случайность, что она так стоит? Или ее поставили специально?

– Врач и криминалисты говорят, что убийца так ее поставил.

– Омерзительно.

Манфред кивает и ищет мой взгляд. Потом понижает голос, словно боится, что кто-то нас услышит. Но здесь только криминалисты.

– Слушай, это очень напоминает...

– Но это было десять лет назад.

– И все же...

Я киваю. Я и сам вижу сходство с убийством в Сёдермальме десять лет назад, которое нам так и не удалось раскрыть, несмотря на то что это было одно из самых тщательных расследований в истории шведской криминалистики.

– Десять лет прошло. Нет причин думать... Манфред отмахивается.

– Наверно, ты прав.

– А этот Орре. Что нам о нем известно?

– Только то, что писали газеты. Но Санчес над этим работает. Обещал связаться с нами вечером.

– А что писали газеты?

– Обычные сплетни. Подчиненные называют его рабовладельцем. Профсоюз его ненавидит. На него поданы несколько исков. И он известный дамский угодник.

– Жена? Дети?

– Он живет тут один.

Я оглядываю просторную кухню.

– Зачем одному такой огромный дом? Манфред пожимает плечами.

– У богатых свои причуды. И потом, соседка, которую увезли в больницу, сообщила, что временами тут жили женщины, которым она уже потеряла счет.

Мы выходим на улицу, снимаем бахилы и перчатки. В десяти метрах от нас виднеется сгоревшее здание, засыпанное снегом. Манфред зажигает сигарету, заходит кашлем, поворачивается ко мне:

– Забыл упомянуть. Три недели назад у него сгорел гараж. Страховая компания ведёт расследование.

Я смотрю на обугленные балки, торчащие из снега. Они напоминают мне сосны на кладбище Скугсчюркогорден, молчаливо возвышающиеся надо мной и всегда вызывая неприятное ощущение, что смерть где-то рядом. В машине по дороге в город я думаю о Жанет. Почему-то самые чудовищные убийства всегда заставляют меня вспоминать о Жанет. Может, потому что только ей удавалось вывести меня из равновесия? Ей и этим преступлениям. Или потому, что я подсознательно хочу, чтобы она была мертва, как та женщина в доме? Разумеется, я не желаю ей смерти, потому что она мать Альбина, но мое подсознание может думать иначе.

Моя жизнь была намного проще до нашей встречи с Жанет. Она работала в кафе рядом с Полицейским управлением на Кунгсхольмен. Мы начали здороваться. Иногда, когда было мало посетителей, она присаживалась за мой столик поболтать. Угощала кофе. У нее были короткая растрепанная стрижка, высветленные волосы, щель между передними зубами, которая постоянно притягивала к себе взгляд, как нарисованная в писсуаре муха. И у нее была фантастическая грудь. У меня были девушки до нее. Даже много девушек. Но ни с кем не было серьезных отношений. Они приходили и уходили, и никому не удалось затронуть мое сердце. Думаю, ни одна из них не испытывала ко мне особых чувств. Но Жанет была другой. Она была упрямой. Чертовски упрямой. После трех-четырех ужинов в ресторане, закончившихся сексом, она начала ныть о том, чтобы жить вместе. Разумеется, я отказал. Я не испытывал никакой потребности в том, чтобы жить с кем-то, да и ее болтовня уже начинала действовать мне на нервы. Я все чаще ловил себя на том, что хочу, чтобы она заткнулась. Но иногда, глядя на нее, спящую голышом в моей постели, я думал, что она невероятно красива. Ночная тишина и безмолвие делали ее прекрасной. Мне хотелось, чтобы она всегда оставалась такой. Но, разумеется, эта мечта была несбыточной. Невозможно требовать от своей девушки, чтобы она все время ходила голая и молчала.

Вначале она ныла про всякие мелочи. Например, про отпуск. Могла прийти домой с сумкой, полной туристических брошюр, и весь вечер рассуждать, куда лучше поехать. На Майорку или на Ибицу. На Канарские острова или в Гамбию. На Родос или на Кипр. Она рассуждала

вслух о том, где лучше погода, где вкуснее еда и где лучше шопинг. Разумеется, в итоге мы отправлялись в отпуск, и это было не так уж и плохо. Заняться в деревне на восточном побережье Майорки было нечем, и всю неделю Жанет сидела в бикини и читала сагу про пещерных людей («Дети земли» Джин Ауэль), что не давало ей возможности трепаться. А в бикини она была почти что голая. Надо еще к этому описанию добавить секс. Секс был фантастический. Может, это вино и сангрия, которые мы потребляли в больших количествах, а может, тепло делали секс таким хорошим. Она в постели вела себя как зверь, дикий и ненасытный и одновременно хрупкий и беспомощный. Иногда мне казалось, что в постели она ведет себя как мужчина. Жанет была требовательной и ненасытной и крайне эгоистичной. Она брала то, что хотела. И если она чего-то хотела, то должна была получить это немедленно. Тогда это были я и мое тело. В одну из таких жарких ночей я даже подумал, что неплохо было бы провести с ней всю жизнь. Может, я даже произнес это вслух. Я ничего не помню.

Но стоило нам вернуться домой, как она снова начала нудеть про покупку квартиры. Я четко дал понять, что не готов жить вместе, но она словно меня не слышала. Как обычно, Жанет делала то, что хотела. А в тот момент она хотела купить квартиру и завести семью и удивлялась тому, что я в свои тридцать три года не испытываю тех же желаний. Она сделала татуировку с моим именем: свиток с надписью «Петер», который несут два голубя. Это меня страшно взбесило, сам не знаю почему. Может, потому что татуировка – это навечно. А от одной мысли о том, чтобы остаться с Жанет навечно, у меня мурашки бежали по коже.

В то время я стал следователем в уголовной полиции и с головой ушел в работу. К каждому преступлению я относился крайне серьезно. Тогда я верил, что делаю мир лучше. Хотя понятия не имел, что это такое – лучший мир?

Теперь, спустя пятнадцать лет, я знаю, что ничего нельзя изменить. Время не линейное. Все идет по кругу. Вам это может показаться претенциозным, но на самом деле все это очень банально. Время – это круг. Как круг колбасы. И больше ничего. И думать тут не о чем. Жизнь идет по кругу. Новые убийства, новые коллеги, полные романтических представлений о своей профессии, с жаром берущиеся за дело, новые преступники.

И так без конца.

Вечность – это колбаса. Колбаса, которую Жанет хотела разделить со мной.

Позднее я часто думал о том, что мне следовало быть тверже в наших отношениях. Поначалу мне еще удавалось сопротивляться всем ее затеям, но скоро Жанет сломила мое сопротивление или я поменял тактику. Стал более уклончивым. Вместо «нет» отвечал «может, в следующем году». Находил недостатки у всех квартир, на показы которых она меня таскала. То этаж был низкий, то высокий (риск пожаров), то слишком далеко от центра, то слишком шумно. И все в этом духе. Каждый раз Жанет приходила в отчаяние. С показов она уходила мрачная и молчаливая. Она шла, не поднимая глаз, их скрывала светлая челка, прижимая к груди сумочку, как щит. Губы были вытянуты в тонкую линию.

Жанет прекрасно знала, что это вызовет у меня чувство вины и сделает меня еще слабее и беспомощнее перед ее атаками. Иногда мне кажется, что все это было притворством, трюками, чтобы лучше манипулировать мной.

Наверно, мои отношения с Жанет привели к тому, что при знакомстве с Манфредом я был им очарован. Несмотря на то что он производил комическое впечатление, отчасти из-за своего грубого языка и лощенной внешности, в нем был внутренний стержень, которого мне не доставало. Через пару дней после того, как мы начали работать вместе, он отвел меня в сторону и объяснил, что собирается развестись и что это наверняка скажется на его работе.

Манфред тогда был женат на Саре. У них было трое детей. Я помню, что спросил, что Сара думает по этому поводу, и он ответил: «Это не важно, потому что я уже все решил». То, как он это сказал, привело меня в замешательство. Он сам принял решение и собирался воплотить его в жизнь невзирая на то, что думает его партнер. Мне казалось это немыслимым.

И я испугался. Испугался, что Манфред, такой сильный и последовательный в своих действиях, поймет, кто я на самом деле. Увидит мою слабость, нерешительность, страх обязательств – все эти отвратительные черты характера, которые я всячески старался скрыть и которые рано или поздно всплывут наружу, как всплывает выброшенный в реку мусор.

Парой лет позже я рассказал Манфреду про свадьбу. Сначала он выглядел сконфуженным, словно не понял, что именно произошло, а потом начал хохотать. Он хохотал и хохотал, пока слезы не потекли по красным щекам. Он буквально по полу катался от смеха. Манфред умеет посмотреть на жизнь под другим углом. Он неисправимый оптимист.

К Полицейскому управлению мы подъезжаем уже в темноте. Похолодало. Вместо дождя с неба падают крупные снежные хлопья. Пейзаж можно было бы назвать красивым, если бы не уродливое здание полиции, построенное в шестидесятые в духе постиндустриализма.

В окнах горит свет. Значит, кто-то задержался на работе. Ловить преступников – работа круглосуточная. И не важно, что сегодня вечер пятницы и что скоро Рождество. Преступнику это не помешало убить молодую девушку, значит, и нам ничего не должно помешать его поймать.

На лестнице мы сталкиваемся с Санчес.

– У тебя усталый вид, – говорит коллега.

Она в кремовой блузке и черных брюках – обычной униформе полицейских, занимающихся административной работой. Темные волосы собраны в хвост, отчего видно татуировку на затылке. Это змея, извивающаяся по шее и пытающаяся укусить ее за левую мочку уха.

– У тебя не лучше, – отвечаю я.

Она улыбается, но ее улыбка говорит о том, что мне влетит за такой ответ.

– Я собрала материал на Йеспера Орре. Он у Манфреда.

– Спасибо, – говорю я и продолжаю путь. Манфред пьет чай перед компьютером. Знаком он приглашает меня сесть. На столе фото Афсанех, его молодой жены, и их дочери Нади, которой скоро исполнится год.

– Поел? – спрашивает он.

– Я не голоден. Спасибо.

– Понимаю, после такой картины еда в рот не ползет.

Я думаю о голове в луже крови. О том, какие ужасные вещи люди творят с другими людьми часто без особых на то причин или из-за каких-нибудь глупостей, вроде семейной вражды. Мне вспоминается передача, которая шла по телевизору пару месяцев назад. Там обсуждали, является ли человек мирным или кровожадным животным. Сама постановка вопроса уже была интересной. Ни у кого нет никаких сомнений в том, что человек – самое опасное животное на планете. И он уничтожает не только другие виды, но и свой собственный. И налет цивилизованности на нем столь же тонок и хрупок, как слой лака на ногтях, который так любит Жанет.

– Что-нибудь узнал о Йеспере Орре?

Манфред кивает и показывает пальцем на экран компьютера.

– Йеспер Андреас Орре. Сорок пять лет. Родился и вырос в Бромме.

Он делает паузу, тянется за очками. Я успеваю проанализировать информацию. На четыре года моложе меня. Вероятно, совершил чудовищное убийство. Или сам является жертвой преступления. Это пока неизвестно, но статистика говорит против него. Скорее всего, он причастен. И чаще всего самое первое и банальное объяснение в итоге оказывается верным. Манфред откашливается и продолжает:

– Два последних года работает директором «Клотс и Мор». Применяет, так сказать, противоречивые методы управления. Персонал его ненавидит и считает чудовищем. Он увольняет людей за то, что они берут отпуск по уходу за ребенком и все такое. Во всяком случае, так утверждает профсоюз. На него уже подано несколько исков, которые рассматривает Трудовая

инспекция. В прошлом году заработал почти четыре миллиона крон. К уголовной ответственности не привлекался. Женат не был. Часто фигурирует в прессе благодаря своим многочисленным романам. Санчес говорила с его родителями и секретаршей. На связь с ними он не выходил. Но в пятницу на работе вел себя как обычно.

Манфред изображает в воздухе кавычки, произнося «обычно», и встречается со мной взглядом поверх очков.

– Подруга?

– Родители не в курсе. Секретарша сказала, что он держал свою личную жизнь в тайне с тех пор, как газеты начали полоскать его грязное белье.

Мы получили контактные данные его друзей. Санчес с ними поговорит.

– А что с пожаром?

– Ах да, пожар – Манфред листает бумаги. – Йеспер Орре строил гараж, но три недели назад он сгорел вместе с двумя машинами внутри. Весьма дорогими машинами. «Эмджи» и «Порше». Страховая компания выясняет, не было ли это поджогом. Санчес с ними пообщается.

Я смотрю в окно. Снегопад усилился. Сквозь снежную пелену ничего не видно. Манфред понимающе смотрит на меня.

– Скоро закончим. Мне тоже нужно домой. У Нади воспаление уха.

– Снова?

– Ты знаешь, как это бывает у маленьких детей.

Я киваю, хотя ничего не знаю. Столько лет прошло с тех пор, как Альбин был маленьким. Да и видел я его редко. Воспаление уха, желудочный грипп – все это прошло мимо меня.

– Слушай, – продолжает Манфред, – может, поднимем то старое дело? Почерк убийцы настолько похож, что мы просто не можем это игнорировать. Я могу поговорить с теми, кто над ним тогда работал. Можно позвонить той ведьме тоже. Как там ее звали? Ханне?

Я медленно поворачиваюсь к Манфреду, стараясь сохранять бесстрастное выражение лица. Он не должен догадаться, какой эффект на меня произвели его слова. Достаточно было произнести это имя, чтобы воспоминания мощным потоком нахлынули на меня, и каждая клеточка в теле отзывалась на них болью.

Ханне.

– Не, – тяну я, язык меня не слушается, звук получается тонкий и писклявый: – Нет никакой нужды с ней связываться.

Эмма

Двумя месяцами ранее

– Какой огромный бриллиант!

Ольга хватается кольцо своими худыми пальцами и смотрит на свет, словно проверяя, настоящее оно или нет.

– Красивое, – констатирует она наконец и возвращает мне. – Сколько стоит?

– Я не спрашивала. Это подарок.

– Нет?

– Нет. Это невежливо. Ольга молчит.

– Давай выкладывай, – говорит Манур. – Кто твой принц?

– Я не могу...

– Да ну, – фыркает Манур, – вы же обручены. Почему надо держать все в тайне?

Толстая черная коса перекинута через плечо. На глазах – жирные черные стрелки.

– Все сложно, – тяну я.

– Моя тетя встречается с кузеном. Десять лет они держали свой роман в тайне, – приходит ей на помощь Ольга. – Двоих детей завели. Вот это я называю сложно.

– Это не родственник, уверяю вас. Никакого инцеста. Просто сложно и все.

– Как статус на Фейсбуке? It's complicated?¹ – смеется Ольга.

– Почти.

Девушки молчат. В тишине слышно, как бурчит холодильник. Я понимаю, что коллеги сгорают от любопытства. Я вела бы себя так же на их месте. Но это действительно исключительная ситуация. И было бы безответственно с моей стороны рассказать кому-нибудь о моем поклоннике, тем более Ольге или Манур. Это может навредить Йесперу, да и мне тоже.

К тому же я ему обещала.

Ольга собирает крошки на столе в кучку и начинает рисовать в ней узоры своими длинными акриловыми ногтями.

– Не понимаю, отчего вы такие скрытные, – ноет она. – Я бы еще поняла, если бы у тебя был роман с женатым, но ведь это не так. И вы обручились. Так почему бы...

Манур поднимает руку:

– Оставь ее. Не хочет рассказывать – не надо. У нее есть на это право.

«Спасибо», – изображаю я губами и улыбаюсь Манур. Та улыбается в ответ и поправляет косу. Ольга сжимает губы и хлопает ресницами.

– Как пожелаешь.

Они снова замолкают. Манур прокашливается.

– Как прошли похороны мамы, Эмма? Все хорошо? Манур. Всегда такая заботливая и учтивая. Всегда осторожно подбирает слова и говорит тихим ласковым голосом, словно гладит по коже. Я надеваю кольцо на палец. Делаю глубокий вдох.

– Да, все прошло хорошо. Были только близкие.

В часовне было только пять человек. Простой деревянный гроб. Два одиноких венка. Органист играл псалмы, хотя мама ненавидела псалмы и молитвы. Но перед лицом смерти приходится смиряться с традициями, думаю я.

– Как ты себя чувствуешь? Ты в порядке? – участливо спрашивает Манур.

¹ «Всё сложно» (англ.).

– Да, все нормально.

По правде говоря, я не знаю, что чувствую, и это тоже трудно объяснить. Я до сих пор не могу осознать, что мама мертва и что это ее крупное тело было втиснуто в тот гроб. Что кто-то одел ее, причесал растрепанные пергидрольные волосы и уложил в гроб. Что гроб накрыли крышкой и забили гвоздями, или как они там сейчас делают. Что в такой ситуации чувствует человек?

Отчаяние? Горе? Облегчение? Наши с мамой отношения были, мягко сказать, непростыми, а в последние годы она пила беспробудно, и общались мы крайне редко, что не преминули отметить мои тетки.

А теперь еще эта помолвка. Вскоре после смерти матери Йеспер подарил мне кольцо со словами, что хочет жить со мной. Я смотрю на бриллиант, сверкающий на пальце, и думаю, что, несмотря на всё, что случилось, этот камень мой. Никто не может его у меня отобрать. Я его заслужила. Я его достойна.

Дверь в подсобку распахивается.

– Сколько раз я вам говорил не оставлять меня одного в магазине? Пока вы тут смолите...

– Мы не курим, – перебивает его Ольга и запускает пальцы в свои тонкие длинные волосы.

Её резкость меня удивляет. Бьёрне это так не оставит. Он замирает в дверном проеме, тянется всем своим тощим телом и сует руки в карманы по последней моде потертых джинсов с заниженной талией. Потом покачивается в своих ковбойских ботинках взад-вперёд и сверлит Ольгу взглядом. Подбородок вздёрнут, отчего еще больше заметен неправильный прикус. Он похож на рыбу, думаю я. Злобную хищную рыбу, которая прячется в мутной воде, поджидая добычу. Начальник качает головой с шапкой спутанных темных волос.

– Я спрашивал твое мнение, Ольга?

– Нет, но...

– Тогда я предлагаю тебе заткнуться и идти помогать мне вешать этикетки на джинсы вместо того, чтобы сидеть здесь и разглядывать свои ногти.

Он уходит, хлопнув дверью.

– Мудак, – говорит Ольга, которая за десять лет в Швеции уже научилась использовать подходящие ругательства в нужный момент.

– Лучше нам поторопиться, – поднимается Манур и поправляет блузку.

По дороге домой я покупаю продукты. Йеспер любит мясо, и сегодня у нас праздник, так что я покупаю говяжью вырезку – с маркировкой «экологичный продукт», хотя она мне не по карману. Беру салат-микс, томаты-черри и козий сыр для канапе. В магазине алкоголя долго стою перед полкой с пузатыми бутылками.

Я не разбираюсь в вине, но обычно мы пьем красное вино за ужином, и я знаю, что Йесперу нравятся южноафриканские вина. После долгих раздумий решаюсь на «Пинотаж» ценой под сотню крон.

Я иду домой по Вальхалавэген уже в темноте. В лицо дует холодный северный ветер. Накапывает дождь. Я бросаю взгляд на мокрый асфальт и ускоряю шаг.

Дом построен в 1925 году. Он находится рядом с торговым центром «Фэльтэверстенс» в районе Эстермальм. Одна из моих тетей жила там всю жизнь, вплоть до своей смерти три года назад. По какой-то причине она завещала мне эту квартиру, что возмутило других родственников. С чего бы это Эмме, которая была ей всего лишь племянницей, унаследовать квартиру в центре города? Как мне удалось провести старушку? Впрочем, одно объяснение у меня было. У Агнеты не было детей, и мы с ней довольно тесно общались. Тети тоже встречались, поддерживая свой матриархальный союз, и порой звали и меня тоже.

Я отпираю замок и опускаю тяжелую латунную ручку. В нос мне ударяет запах жареного хлеба и чистящего средства. И еще чего-то знакомого, хорошо знакомого. Я ставлю сумки на

пол, зажигаю свет в прихожей, снимаю мокрые ботинки. Потом вешаю пальто на вешалку и смахиваю капли дождя полотенцем.

На полу лежат два конверта. Счета. Я поднимаю их и отношу в кухню. Кладу к остальным счетам и письмам. Гора счетов растет с каждым днем. Надо поговорить с Йеспером о деньгах. Как можно скорее. Надо что-то делать с неоплаченными счетами. Я зову Сигте, доставая из шкафа кошачий корм. Стоит ему слышать скрип дверцы, как он тут как тут. Третя о мои лодыжки. Я нагибаюсь, глажу его по черной шерстке, шепчу ласковые слова, даю корм и иду в гостиную.

Обстановка у меня самая скромная. Кресла работы Карла Мальмстена, унаследованные от тети Агнеты. Раздвижной стол и стулья я купила в Интернете, кровать – в «Икее». У меня есть еще письменный стол из магазина поддержанной мебели и одежды «Мюрурна». Он весь завален книгами и блокнотами. Я учусь в гимназии заочно. Естественные науки. Школу я бросила. Так сложились обстоятельства. Я не могла продолжать учебу, не было желания. Хотя учеба мне всегда давалась легко. Особенно математика. В математике всегда все четко, нет никаких туманных терминов и субъективных точек зрения. Есть только правильный ответ и неправильный. Как бы мне хотелось, чтобы жизнь была похожа на математику.

Я думаю о Спике. О его длинных черных волосах, собранных в узел. О его привычке подпирать щеку рукой, когда он слушал. Он всегда всех внимательно слушал. Словно мы говорили о чем-то очень важном. Я поеживаюсь.

Однажды я перестану думать о Спике, говорю я себе. Однажды воспоминания о нем поблекнут, как старое поляроидное фото, и я освобожусь от его власти и буду жить так, словно его никогда не существовало.

В моем доме есть только одна ценная вещь – картина Рагнера Сандберга в спальне в наивистском стиле. Выполненная в желто-синей цветовой гамме, она изображает футболиста. Я обожаю эту картину. Мама хотела ее продать и разделить деньги, разумеется, чтобы она могла пропить свою половину, но я наотрез отказалась. Пусть висит там, где всегда висела.

Тетя Агнета оставила мне немного денег. Сто тысяч. Я нашла аккуратные пачки стокровых купюр в постельном белье в шкафу. О них я маме не рассказывала. По понятным причинам. Я выглядываю в окно. Подо мной виднеется гигантская черная артерия улицы Вальхалавэген, по которой можно попасть в центр и дальше на Лидингэ – часть кровеносной системы города. Дождь усилился. Он стучит в окна, заливает водой стекло. Похолодало. Наверно, ниже нуля, думаю я, поёживаясь. Я достаю продукты. Нарезаю козий сыр, кладу на тонкие кусочки хлеба. Включаю духовку. Готовлю салат. Принимаю душ. Наслаждаюсь прикосновением струй горячей воды к телу. Вдыхаю пар. Тщательно намазываю тело гелем для душа, который нравился Йесперу. Грудь сегодня слишком чувствительная и немного припухшая. Я мою волосы и потом выхожу из старинной ванны.

Я приоткрываю дверь, чтобы пар рассеялся, вытираю зеркало полотенцем и смотрю на себя в зеркало. Лицо у меня тоже опухшее, красное. На нем явно выделяются веснушки, похожие на тысячи островов, разбросанных по морю. Одни больше, другие меньше. Некоторые образовали целые красно-коричневые созвездия на моей бледной коже.

Я расчесываю рыжие волосы расческой с редкими зубьями. Осматриваю грудь. Она крупновата для девушки моего сложения. Соски тоже крупные, бледно-розовые. Я всегда ее ненавидела. С тех самых пор, как она начала доставлять мне столько неприятностей в школе. Я всячески старалась ее скрыть. Носила мешковатые кофты, горбилась, переедала.

Йеспер говорит, что обожает мою грудь, и я ему верю. Ему нравится лежать рядом и ласкать их, как щенят, и разговаривать с ними – сначала с одной, потом с другой. Мне кажется, любовь – это не только любить другого человека, но и смотреть на себя глазами любимого, видеть в себе красоту, которой раньше не замечала.

Я тщательно крашусь. Йесперу нравится естественная красота, но это значит не отсутствие макияжа, а что я только должна казаться ненакрашенной. И это занимает куда больше времени, чем можно подумать. Естественный макияж – дело непростое. Закончив краситься, я капаю духи на стратегические точки – запястья, между грудей, затылок, внутреннюю сторону бедра. Потом надеваю черное платье прямо на голое тело, вытираю ноги о коврик и выхожу.

Йеспер обычно пунктуален, и я подумываю поставить канапе с сыром в духовку в семь, но они готовятся всего пару минут, и я решаю подождать его прихода. Дождь по-прежнему стучит в окна и, похоже, не собирается заканчиваться. Вдалеке слышны сирены. Я зажигаю свечи. Пламя дрожит на ветру, сквозящем из старых окон. Тени мечутся по стенам. Кажется, что старая мебель оживает и шевелится, а вся комната качается, и я вместе с ней. К горлу подступает тошнота. Зажмурившись, я хватаюсь за спинку стула.

Думаю о нем.

Йеспер Орре.

Конечно, я слышала о нем до нашего знакомства. Видела его фото по телевидению и в журналах. И, естественно, мы обсуждали его с коллегами на работе. Скандальный директор сети магазинов одежды, где я работаю. Плохой мальчик фэшн-индустрии. У него была репутация бабника и деспота. Заступив на должность директора, он за месяц выгнал всех начальников и заменил их своими людьми. А потом начал реструктурировать компанию. Двадцать процентов сотрудников сократили. Оставшиеся получили новые инструкции, как обслуживать покупателей. Появились новые требования к внешнему виду персонала. Сократили время ланча и количество перерывов в работе.

Но когда он однажды зашел в наш магазин в мае, я его сперва даже не узнала. У него был растерянный вид. Он стоял посреди мужского отдела и переминался с ноги на ногу, как ребенок, впервые попавший на арену цирка на глазах у изумленной публики.

Я подошла к нему и предложила помощь. Это моя работа – помогать покупателям. Мы регулярно репетируем фразы, которые должны произносить. Еще одна идея Йеспера, которую плохо восприняли сотрудники.

Он повернулся ко мне, смущенно прикрывая рукой рубашку в области груди, на ней было оранжевое пятно.

– У меня встреча с советом директоров через полчаса, – сказал он, пряча глаза, – и мне нужна другая рубашка.

– Спагетти болоньезе?

Он застыл. Улыбка заиграла в уголках рта. Наши глаза встретились. И в этот момент я поняла, кто передо мной. К счастью, он снова отвел взгляд, потому что я внезапно остро ощутила его близость. Я стояла там, не зная, что делать, что говорить. Тишина была неловкой. Наконец, я велела себе собраться.

– Какой размер?

Он снова поднял глаза. Несмотря на загар, вид у него был усталый. Темные круги под глазами. На висках – седина. Морщинка в уголке рта. В реальности он казался старше, чем на фото. Старше, грустнее и утомленней.

– Размер?

– Да, рубашки.

– Простите. Конечно. Сорок три.

– Какой цвет предпочитаете?

– Не знаю. Наверно, белый. Что-нибудь нейтральное. Подходящее для делового собрания.

Повернувшись ко мне спиной, он начал изучать ассортимент. Я выбрала три подходящие рубашки. Вернувшись, я нашла его на прежнем месте.

– Поможете выбрать? – спросил он.

– Разумеется.

В этой просьбе не было ничего странного. Я ждала у примерочной, пока он выйдет в первой рубашке.

– Ну как?

– Прекрасно. Сидит прекрасно. Примерьте остальные.

Он скрылся в примерочной кабинке. Через пару минут вышел в следующей рубашке – в бело-синюю полоску с незастегивающимся воротником.

– Хм.

– Не нравится?

Вид у него был такой встревоженный, что я чуть не рассмеялась.

– Ну что вы. Она хороша, но не для собрания. Может, лучше подойдет более... деловая?

Он кивнул с таким видом, словно был готов повиноваться каждому моему слову, и вернулся в кабинку.

– Третью тоже примерить? – спросил он из кабинки.

– Разумеется.

Эта игра начала меня забавлять. Не каждый день удастся обслужить директора, который инкогнито зашел в твой магазин. В старинных сказках короли всегда переодеваются бродягами, чтобы незамеченными пробраться в город и посмотреть, чем живет народ.

Он вышел в светло-голубой рубашке.

– Эта смотрится прекрасно. Берите ее, – заявила я. – Она формальная, но не такая скучная, как белая.

– А мы что, продаем скучную одежду в этом магазине? В его глазах внезапно появился интерес. Он словно увидел меня в новом свете.

– Порой нашим клиентам требуется и скучная одежда тоже.

– Туше, – улыбнулся он и посмотрела на меня. – Вы мне нравитесь. Как вас зовут?

– Эмма Буман.

Кивнув и ничего не сказав, он скрылся в примерочной.

И когда он подошел к кассе, чтобы расплатиться за покупку, случилось то, что навсегда изменило мою жизнь. Йеспер начал лихорадочно рыться в поисках кошелька. И с каждой секундой он нервничал все больше.

– Я не понимаю. Он должен быть где-то здесь... Он расстроено покачал головой и процедил сквозь зубы:

– Черт...

– Можете занести деньги позже. Мы же теперь знакомы.

– Так не пойдет. У вас будет недостача в кассе. Я не хочу доставлять вам проблем.

– Если вы меня обманете, я обращусь в полицию. Но он не понял, что это шутка. На лбу выступили капельки пота. Они сверкали как кристаллы в искусственном освещении магазина.

– Черт, – повторил он, и на этот раз это прозвучало как мольба о помощи в этой неловкой ситуации.

Я наклонилась вперед, накрыла рукой его руку.

– Послушайте, я заплачу. Я напишу вам свой номер, и вы вернете деньги, когда сможете.

Он с облегчением взял у меня бумажку с номером. Выходя из магазина, он помахал мне на прощание бумажкой с телефоном так, словно это была похвальная грамота, и улыбнулся.

Я смотрю на часы над телевизором. Двадцать минут восьмого. Где он? Может, ошибся часом? Решил, что мы договорились на восемь? Но что-то подсказывает мне, что это не так. Я никогда не встречала человека столь пунктуального, как Йеспер. Он всегда приходит вовремя. И всегда с цветами. Другими словами, он настоящий джентльмен. Йеспер бывает высокомер-

ным и несдержанным на язык, но за этим грубым фасадом прячется добрый и чувствительный ребенок. И он ненавидит непунктуальность.

Я наливаю себе еще один бокал и включаю новости. Французские крестьяне вывалили тонну картофеля на дорогу в Париже в знак протеста против новых правил Евросоюза. Ураган пронесся над Салой и разрушил строящуюся школу. Китайские исследователи обнаружили ген, вызывающий рак простаты. Выключаю телевизор. Тереблю мобильный. Не хочу его беспокоить, но боюсь, что он перепутал день или время. Посылаю эсэмэс с вопросом, скоро ли он будет. Не хочу, чтобы он думал, что я навязываюсь.

Йеспер Орре. Если бы Ольга с Манур знали. Если бы мама знала.

Внутри все сжимается. Только не думать о маме. Но уже слишком поздно. Я чувствую ее присутствие в гостиной. Чувствую запах пота и перегара. Вижу ее пухлое тело на диване перед телевизором с банкой пива, зажатой между колен, слышу ее храп.

Мама всегда хвасталась тем, что не пьет ничего крепче пива.

Лена, одна из сестер матери, утверждала, что пивной алкоголизм – один из самых тяжелых и что мама, уже стоя одной ногой в могиле, все равно тянется за банкой.

Трагизм ситуации заключается в том, что мама не всегда была такой. Я помню ее другой, и по ней прежней я скучаю гораздо больше. И гораздо больше переживаю из-за этой перемены, чем из-за ее кончины.

Я помню, как сижу с мамой на узкой кровати в комнате с грязными окнами (на них были следы от пальцев рук и даже от ног). «Как ты умудряешься это делать? Лазишь по стенам, как обезьянка?» – театрально вздыхает мама, решив пройти по окну влажной тряпкой. На улице темно. Кто-то убирает снег во дворе. Я слышу скрип лопаты по гравии под окном.

Дома холодно. Мы с мамой в пижамах с длинным рукавом и в носках. У мамы на коленях книжка со сказкой про трех медведей.

– Почитаем еще, – умоляю я, – еще немножко.

– Хорошо, но только чуть-чуть, – вздохнула мама, зевая, и перелистнула страницу, подклеенную скотчем.

Она уставилась на текст.

– Кто спал в моей кровати? – сказала я и показала на место пальцем.

Мне было семь лет. Я была в первом классе. Читать я научилась еще в детском саду. Я не помню как. Наверно, у некоторых детей это получается само собой. Учительница была очень довольна. Она позвонила маме, чтобы рассказать, что я читаю лучше всех моих одноклассников, а чтение – залог хорошей учебы и прекрасного будущего.

– И еще немножко.

– Медвежонок посмотрел на медведя и по...покачал головой, – прочитала я.

Мама кивнула. Лицо у нее было сосредоточенное, словно она решала сложную математическую задачку. В дверь спальни постучали. Это был папа. В руках у него была книжка и пачка сигарет. Длинные волосы закрывали лицо. Мне всегда казалось, что со своими длинными волосами и подростковой одеждой папа похож на рок-звезду. Он был крутым, не то что другие папы. И мне хотелось, чтобы он провожал меня в школу, а не мама.

– Я только хотел пожелать спокойной ночи, – сказал он, входя в комнату. Подошел к кровати, наклонился и поцеловал меня в щеку. Колючая щетинка царапнула мне кожу, в нос ударил запах табака.

– Спокойной ночи, – сказала я и проводила его взглядом. Худой, непричесанный, с непомерно длинными руками, он напоминал подростка.

Я перевела взгляд на маму. Она была полной противоположностью папы. Крупная, полная, округлая, она напоминала морского котика или даже кита. Высветленные волосы торчали во все стороны. Фланелевая пижама грозила треснуть по швам при каждом вздохе пышной груди.

– Твоя очередь, – сказала я.

Мама замешкалась, но ткнула пальцем в текст.

– Я ни...

– Не, – поправила я.

Мама кивнула, начала сначала.

– Я не спал... в твоей... кровати, сказал медве... медве...

– Медвежонок, – поправила я.

Мама сжала руку в кулак.

– Черт. Это сложное слово.

– Скоро научишься, и пойдет легче, – серьезно произнесла я.

Мама посмотрела на меня и сжала мою руку.

– Думаешь?

– Конечно. Все ребята в моем классе умеют читать. Я не стала говорить, что все другие мамы и папы тоже умеют читать, потому что уже в семь лет я понимала, что это ее очень расстроит. Только я знала, что она не умеет читать. Ни папа, ни коллеги не были посвящены в этот постыдный секрет.

– Продолжим завтра, – сказала мама и поцеловала меня в щеку. – И не говори ничего папе...

– Обещаю.

Она погасила свет и вышла из комнаты. А я осталась лежать в кровати. Внутри у меня разливалась приятная теплота. Я чувствовала себя любимой и нужной.

Если бы мама увидела нас с Йеспером, что бы она подумала? Что-то подсказывает мне, что она была бы недовольна тем, что Йеспер публичная фигура и жизнь с ним будет непростой. Она бы скривилась и пробормотала что-нибудь в духе, что я о ней не забочусь, но что это неудивительно, потому что я никогда ей не помогала. А потом начала бы нудеть про дочку тетки Лёфберг, которая в тридцать лет живет с мамой и заботится о старушке.

Бросаю взгляд на часы. Половина девятого. В груди появляется неприятное ощущение. Пытаюсь понять, чего я боюсь. Что с Йеспером что-то случилось? На улице темно, ветрено, мокро. Наверняка дороги обледенели. В такую погоду водить машину опасно. После недолгих раздумий беру телефон. Снова колеблюсь. Почему мне так сложно позвонить ему? Словно не хочу, чтобы он знал, что нуждаюсь в нем больше, чем он во мне. Почему мне так важно знать, что он любит меня больше, чем я его? Нельзя вести себя как отчаявшаяся женщина, говорю я себе, нельзя навязываться. Никто не любит навязчивых.

Но набираю номер.

Сразу включается автоответчик. Он отключил телефон.

Я допиваю вино, накрываюсь одеялом и закрываю глаза.

Прошла неделя, прежде чем Йеспер позвонил и сказал, что хочет вернуть деньги и пригласить меня на ланч, если я согласна.

Мы встретились в субботу неподалеку от его квартиры в центре, в которой он ночевал, когда задерживался в городе. В ресторане было шумно и многолюдно. Я узнала его с трудом. Он был в джинсах и футболке и выглядел моложе, чем при нашей первой встрече в магазине. Даже держался он по-другому. Ни следа смущения на лице. Прямая спина. Уверенный вид. Он улыбнулся мне.

– Эмма... – И поцеловал в щеку.

Я смутилась. Никто не целовал меня в щеку. Даже моя мама. Особенно мама.

– Привет, – пробормотала я.

Он окинул меня изучающим взглядом, от которого я смутилась еще больше. Я чувствовала, что должна что-то сказать, чтобы нарушить это неловкое молчание.

– Как прошло собрание?

– Хорошо.

Он улыбнулся.

У него было странное выражение лица и голодные глаза, словно он смотрел на меня как на аппетитное блюдо. Вся эта ситуация была крайне неловкой.

– Почему ты пригласил меня на ланч? – вырвалось у меня. Я так смутилась, что не знала, что делать и что говорить.

– Потому что ты пробудила во мне любопытство, – так же прямо ответил он, не отрывая от меня взгляда.

Я уставилась на свои новые джинсы, купленные специально перед этим ланчем. Какая глупость. Как будто Йесперу Орре есть дело до того, что носит сотрудница его магазина.

– Ты обращалась со мной как с равным, – пояснил он.

Наши глаза встретились. На мгновение мне показалось, что в его взгляде промелькнуло что-то странное, боль или горечь.

– Равным?

Он медленно кивнул. Из бара донеслись крики. Я обернулась. По телевизору шел матч «Арсенал» против «Манчестер Юнайтед», и счет только что стал 0:2.

Йеспер перегнулся через стол. Наши лица оказались рядом. Я ощутила аромат его одеколона и пива, которое он пил. Мне стало не по себе.

– Когда у человека такая работа, как у меня, – сказал он, – люди редко общаются с ним по-человечески. Большинство – преувеличенно уважительно. А кто-то просто боится. Мало кто честно говорит то, что думает. Это крайне утомительно. Наверху очень одиноко, если ты понимаешь, о чем я. Но ты была честна со мной. Обращалась как с обычным человеком. Я пожалала плечами.

– А разве ты не обычный человек?

Он рассмеялся и поднес пиво к губам. У него были загорелые руки, покрытые золотистыми волосками.

– Можешь считать это безумием, но я чувствую, что между нами есть связь. Скажи честно.

– Что?

– Ты тоже чувствуешь себя одинокой? Странной? Не похожей на других людей? Чувствуешь, что наблюдаешь за другими со стороны?

Я медленно кивнула. Он прав. Я всегда чувствовала себя другой. С самого детства. Мне всегда казалось, что в своей жизни я играю какую-то второстепенную роль. Будто я смотрю на саму себя со стороны. Вопрос только в том, как Йеспер успел понять это за десять минут нашей встречи в магазине.

Со стороны бара донеслись вопли болельщиков.

– Стольпе вышел из игры, – констатировал Йеспер.

– Откуда ты знаешь?

– Что?

Он покосился на экран, словно думая, что я спрашиваю про матч.

– Обо мне. Ты купил у меня рубашку. А теперь сидишь и заявляешь, что мы похожи. И что мы оба одиноки. Ты ничего обо мне не знаешь. Ни кто я, ни откуда, ни чего хочу в своей жизни. С чего ты решил, что я для тебя – открытая книга?

Он поднял стакан с пивом в шутовском тосте и подмигнул мне:

– Как я уже сказал, мне нравится, что ты обращаешься со мной как с равным. Тебе неведом страх. В этом мы с тобой тоже похожи.

Я покидала ресторан на трясущихся ногах. Щеки горели, руки вспотели. Не знаю, что так сильно на меня повлияло: то, что он позволил себе сделать выводы о моем характере, несмотря на то что мы едва знакомы, или желание, которое внезапно вспыхнуло во мне.

Я шла и гадала: что, если он прав? Что, если мы похожи? Что, если между нами правда существует невидимая связь? Как это иногда бывает между людьми разных сословий и возрастов, когда они встречаются и понимают, что созданы друг для друга?

На часах было около четырех. Я спешила в сторону Слюссен. Было жарко, и на мне была только тонкая майка. Но несмотря на это, пот лил с меня градом, и посреди Ётгатан я вынуждена была остановиться, чтобы отдышаться. Мимо шли прохожие: кто-то гулял, кто-то шёл за покупками, женщины в хиджабах спешили в мечеть. Люди текли сплошным потоком. И я внезапно оказалась посреди него, как лодка, потерявшая управление.

Подходя к метро, я увидела знакомое лицо. Йеспер Орре. Каким-то образом он догадался, куда я направилась, и пришел туда раньше. Он взял меня за руку.

– Пошли, – сказал он.

И потянул меня за собой вниз по улице – откуда я пришла, и я не нашла в себе сил возразить. Чувство беспомощности опьяняло. Это была свобода. Свобода от ответственности за свои поступки, свобода от чувства вины, полная свобода. Я пошла с ним. Закрyla глаза и позволила ему вести меня сквозь море людей.

...Я проснулась в три часа ночи в кресле. Все тело затекло от неудобной позы. С трудом поднялась на ноги. За окном темно, ветер усилился. Из окон сквозит. Я чувствую холодный воздух кожей. Почему-то я думаю о папе и о том насекомом, которое мы нашли. Мне было десять-одиннадцать лет. Светло-зеленый червячок напоминал мне жевательную мармеладку, только волосатую. И формой, и видом. На животе у него было много маленьких ножек, а сзади шип. Он ползал по моей руке, и это вызывало щекотку.

– Он кусается? – спрашиваю я.

Папа качает головой.

– Нет, и этот шип у нее сзади, – это всего лишь хвостик. Эта гусеница неопасна.

Червячок полз все выше по руке, и я повернула руку к солнцу, чтобы лучше видеть зеленое тельце. На свету оно было почти прозрачным, похожим на сверкающий драгоценный камень у меня на запястье.

– Где ты ее нашла? – спросил папа.

– В кустах у качелей. Он кивнул.

– Она питается листьями. Пошли. Поищем ей еду.

Мы на цыпочках прошли в прихожую, чтобы не разбудить маму. Тихо прикрыли за собой дверь. Папа дал мне знак идти за ним. Дома возвышались вокруг двора с редкой растительностью. Сюда редко попадало солнце. Людей было не видно. Качели покачивались на ветру. Пустая песочница ждала, когда проснутся дети. На дорожке валялись треснувшие пластиковые ведерки. Издалека доносилась восточная музыка и крики детей. В воздухе пахло кофе.

– Здесь, – сказала я, показывая на кусты.

Папа принес несколько веточек, влажных от росы, и серьезно посмотрел на меня:

– Давай построим ей домик.

Мы сунули веточки в банку и тихо вернулись в квартиру. В прихожей было темно и пахло мамиными сигаретами «Гала Бленд». Из спальни доносилось ее похрапывание. Папа стал рыться в шкафу. В прихожую он вернулся с каким-то острым предметом, который он достал из ящика с инструментами.

– Это шило, – прошептал он и проткнул крышку несколько раз, чтобы обеспечить доступ воздуха для моего питомца. Гусеница с радостью приняла свой новый дом. Думаю, у неё было немного требований к жилищным условиям. Достаточно было зеленых листьев, потому что она немедленно приступила к их поеданию.

– А что теперь?

– Кое-что любопытное, – ответил папа, утирая пот со лба. – Но тебе придется запастись терпением. Сможешь?

Я тянусь за телефоном. Никаких пропущенных звонков. Никаких эсэмэс.

Йеспер не пришел на праздничный ужин по случаю нашей помолвки, не написал и не позвонил. Что мне делать? Злиться? Тревожиться? Я решаю, что наору на него при встрече, если только он не в больнице с ногами в гипсе.

Накинув плед на плечи, я выхожу в кухню и убираю салат, канапе и вино в холодильник. Зову Сигге и ложусь спать.

Серый свет проникает в комнату сквозь тонкие занавески. В комнате холодно, я плотнее кутаюсь в одеяло. Сигге сворачивается клубком у моих ног, лижет лапу.

Я ни о чем не думаю, только медленно просыпаюсь и вслушиваюсь в стук дождя по окнам. Потом вспоминаю. Йеспер так и не пришел вчера. По неизвестной причине он не явился на собственную помолвку. И ночью я, как идиотка, прибирала на кухне, одетая в вечернее платье на голое тело. Мобильный лежит на полу рядом с кроватью. Никаких пропущенных звонков или эсэмэс.

Я сажусь в постели. Заворачиваюсь в одеяло и подхожу к окну, из которого сквозит. Кожу обжигает ледяной воздух.

Улица уже заполнена машинами. Люди, не крупнее муравьев, спешат к метро. Я включаю новости. Если что-то вчера случилось, это наверняка будет в новостях. Я опускаюсь в зеленое кресло. Меня тошнит. Сколько я вчера выпила? Надо поесть.

Я беру пару канапе и возвращаюсь в гостиную. Смотрю на темный экран с надписью «no signal». У меня появляется плохое предчувствие. Иду в кухню, роюсь в стопке со счетами. С канапе во рту начинаю вскрывать конверты. Это напоминания о задержке оплаты за электричество, мобильную связь, телевидение.

И это тоже отчасти вина Йеспера. Месяц назад я одолжила ему денег и с тех пор складываю счета в эту стопку. Одной зарплате мне на жизнь не хватает. Но раньше у меня была записка. Открываю последний конверт от «ComNem»² и проглядываю письмо с угрозой отключить мне телевидение и Интернет, если я не оплачу счета в течение десяти дней. Письмо прислали две недели назад.

Я откладываю конверт и беру другие счета. Смотрю на них, не зная, что делать, потом кладу в пустую банку и закрываю крышкой.

В метро я читаю новости на мобильном. Убийство в Ринкебю, погром в Мальмё, но ничего о Йеспере Орре. Никаких аварий и других происшествий.

Поезд метро набит битком. От жары, духоты и запаха пота меня снова тошнит. Приходится выйти на остановку раньше и присесть на лавку. Стянув куртку, я опускаю голову вниз и закрываю лицо руками. Прохожие бросают на меня тревожные взгляды, но никто не останавливается, чтобы спросить, как я себя чувствую. И слава Богу.

Все, о чем я думаю, это *«Где Йеспер и почему он не пришел вчера?»*.

² ComNem Corporation – крупный поставщик услуг телевидения и телефонии в Швеции.

Ханне

Те, кто утверждает, что люди несчастны, потому что слишком много ждут от жизни, ошибаются. Я никогда ничего не ждала от жизни – ни счастья, ни денег, ни успеха. Но в итоге сижу здесь, несчастная и разочарованная, и не могу выразить свои чувства словами.

Наверно, это невозможно описать словами. Нет таких слов. Эти чувства больше, чем я. Это я живу в разочаровании, а не оно во мне. Разочарование как дом, в котором я заперта.

Отчасти причиной этих чувств стало то, что я больше не могу доверять своему телу. Мой интеллект, моя память постепенно разрушаются, превращаясь в кусочки мозаики, которые больше нельзя сложить в осмысленную картину.

Я смотрю на контейнер для таблеток на кухонной стойке. Белые и желтые таблетки лежат в отделениях, подписанных днями недели. Интересно, есть ли от них хоть какой-то прок.

Во время последнего визита доктор сказал, что нельзя предугадать, как будет протекать болезнь. Все может пойти быстро или медленно. Могут пройти месяцы или годы, прежде чем я полностью потеряю память. И это зависит от того, дадут ли эффект лекарства. Но то обстоятельство, что болезнь проявилась у меня в относительно молодом возрасте – в пятьдесят девять лет, говорит в пользу того, что и развиваться она будет крайне агрессивно. Когда он сказал об этом, я убрала блокнот с подготовленными вопросами. Я больше не хотела ничего слушать.

Я достаю собачий корм из шкафа и слышу топот лап по полу. И вот она уже у моих ног и смотрит на меня умоляющим взглядом. У тебя голодный вид. Почему? Неужели я забыла покормить тебя в прошлый раз?

И понимаю, что действительно забыла покормить Фриду. Я все время все забываю. Не могу себя контролировать. Оглядываюсь по сторонам. Вся кухня обклеена желтыми бумажками с напоминаниями о том, что нужно сделать.

Уве ненавидит эти бумажки. Ненавидит мою болезнь. Ненавидит то, что она делает со мной и с ним тоже. Она рискует уничтожить его представление о самом себе и своей совершенной жизни: идеальном доме, красивой умной жене, ужинах с друзьями. Он намекнул, что не хочет приглашать никого домой, когда в кухне такой бардак. Я знаю, что ему стыдно за меня.

Я выхожу в гостиную. Оглядываю свою совершенную жизнь. Мягкие подушки на диване, старинные подсвечники из слоновой кости, книжный шкаф от пола до потолка. Маски и статуэтки со всего мира – свидетельство поездок, в которых я никогда не бывала. Книги тоже о путешествиях. «Холодные небеса: семь времен года в Гренландии», «Эссе об эскимосах – рассказы с окраины мира».

Уве не разделяет мой интерес к Гренландии и инуитам. Он не может понять, что же такого интересного в этой холодной арктической стране без культуры и искусства. Там нельзя играть в гольф. Еда на вкус как дерьмо (выражение Уве). И к тому же съездить туда стоит целое состояние.

Наверно, я уже рассталась с надеждой, что когда-нибудь попаду в Гренландию. Вряд ли я решусь отправиться в такое путешествие в одиночку. Особенно сейчас, когда болезнь может атаковать меня в любой момент. Сидит и ждет, когда сможет поглотить меня целиком, как море поглотило Седну в легенде.

Красивая, но тщеславная инуитка Седна сбежала от отца с буревестником, чтобы выйти за него замуж. Буревестник обещал Седне, что унесет ее в чудесную страну, где она не будет знать голода. Их жилище будет сделано из лучших кож, и почевать она будет на мягкой медвежьей шкуре. Но по прибытии девушка обнаружила только шалаш из старой рыбьей кожи, продуваемый всеми ветрами, и старую жесткую тюленью шкуру вместо ковра. А кормил муж её остатками сырой рыбы.

Когда пришла весна, отец приехал навестить дочь в страну буревестников и нашел её несчастной и исхудавшей. Он убил ее мужа и повез Седну обратно в своей лодке. Но другие буревестники отомстили им. Они устроили сильный шторм. Отцу пришлось пожертвовать дочь морю, чтобы успокоить птиц. Он швырнул ее за борт в ледяную воду. А когда Седна намертво вцепилась в край лодки и не хотела отпускать, он отрубил ей пальцы – один за другим. Пальцы упали в море и превратились в китов и тюленей. В конце концов море поглотило Седну, и она стала его владычицей – морской богиней.

Старинная легенда учит юных инуитов тому, как опасно тщеславие и что нельзя идти против воли отца, но также и о том, что мы не в силах управлять природными стихиями. Им можно только приносить жертвы в надежде на милосердие.

У меня есть еда на столе и теплая постель каждую ночь, но болезнь все равно готова поглотить меня и сделать владычицей своего пустого и бессмысленного мира.

Уве считает, что не надо рассказывать друзьям о моей болезни. Пока не надо. Он часто это повторяет, что меня раздражает, но добавляет, что до конца будет рядом и позаботится обо мне. Но Уве всегда был рядом, всегда обо мне заботился. С самой нашей первой встречи, когда мне было девятнадцать, а ему двадцать девять. Он приезжал за мной, когда машина ломалась посреди дороги, оплачивал мои счета, забирал меня пьяную в хлам с вечеринок, даже вытаскивал из постелей чужих мужчин, когда я пыталась устроить бунт и изменить ему. И всегда был таким понимающим. Понимающим и обходительным. Давал мне успокоительные таблетки. Говорил, что знает, что мне плохо, но что проблему не решить, бросившись в объятья коллеги или случайного знакомого. Что я не знаю, что лучше для меня, но он всегда будет меня любить.

Все эти годы он душил меня своей заботой. В его присутствии мне было трудно дышать. Он словно поглощал весь кислород, ничего не оставив мне. Я говорила ему об этом. Но он всегда отвечал, что если бы не мое незрелое безответственное поведение, ему не пришлось бы поступать так, как он поступает. Что это я сделала его таким, какой он есть. Это я во всем виновата. Как обычно.

Может, отчасти муж и прав, но только отчасти. Уве обожает контроль. Это какая-то патология. Ему нужно контролировать всю мою жизнь: что я ем, с кем общаюсь, даже о чем я думаю.

Десять лет назад я была близка к тому, чтобы его бросить. И если бы это не кончилось катастрофой, сегодня я бы не была с Уве. Но я не хочу об этом думать. Не хочу сойти с ума. В жизни редко получается так, как ты того хочешь, и это не повод для грусти. Я борюсь с этими чувствами. Вырываю ростки разочарования, как сорняки, не даю им укорениться в моей душе. Пытаюсь искать позитив в работе, исследовательской деятельности, которой посвящала себя последние десять лет жизни, в друзьях, которые стали мне семьей, поскольку детей у нас с Уве нет.

Я ставлю миску на пол и смотрю, как Фрида жадно набрасывается на корм. Собакам легче живется на свете.

Собираю вещи. Пишу в блокноте: «14.00 в кафе в “Икее”. Помочь Гунилле выбрать мебель». Простое напоминание на случай, если я забуду, куда направляюсь. Пока еще не все так плохо. Я могу водить машину. Помню, куда мне надо. Но я боюсь того момента, когда мне придется просить Уве о помощи.

За выходные температура опустилась сильно ниже нуля. Я надеваю пуховик и теплые сапоги. Запираю оба замка (это я еще помню) и иду к машине, припаркованной на улице Шеп-паргата. Машина вся в снегу. Приходится попотеть, счищая внушительный слой снега с окон.

Небо над заливом Ньюбрувик подозрительно темное и низкое. Вода кажется почти черной. Прогноз погоды обещал больше снега. Надо спешить. Я завожу двигатель и еду на север.

Я должна вернуться к пяти, потому что мы с Уве идем на рождественский концерт в церковь Хедвиг Элеоноры.

Уве ведет активную культурную жизнь. Музыка, театр, книги – не просто хобби, это основные предметы разговора при встрече с нашими друзьями. Те, кто не следит за культурными событиями, высмеиваются и вынуждены выступать в роли пассивных слушателей на наших ужинах.

Это еще одно доказательство потребности Уве контролировать всех и вся. Он считает себя вправе решать, что люди должны обсуждать при встрече. Иногда меня так и подмывает заговорить о чем-нибудь другом, совершенно бессмысленном, чтобы Уве стало за меня стыдно. Я представляю, как бы он орал на меня после ухода гостей. Можно было бы сказать, что я сделала превосходную чистку лица в салоне, или начать обсуждать пляжный отдых или шмотки. Или сделать вид, что я прочитала «Пятьдесят оттенков серого» и что мне понравилось.

Я еду в направлении Баркарбю и думаю о том, за что ненавижу Уве. Он:

Самовлюбленный.

Эгоцентричный.

Доминантный.

Надменный.

И от него плохо пахнет.

Гунилла уже ждет меня в кафе. Она повесила лиловую шубку на стул и изучает свои ногти. Рыжие волосы прекрасно уложены. Кофта облегает стройную фигурку.

Уве Гунилла не нравится. Он презирает поверхностных людей. А Гунилла красит ногти, накладывает на лицо много макияжа и носит дорогую одежду. И к тому же она громко смеется по поводу и без. Но ее главное преступление в глазах Уве заключается в том, что она бросила мужа после двадцати пяти лет брака. Просто потому, что устала от него. Так люди не поступают. По крайней мере в мире Уве.

По крайней мере женщины.

Гунилла сжимает меня в своих объятьях. От нее пахнет дорогим парфюмом.

– Присаживайся, я возьму тебе кофе, – говорит она. Кивнув, я сажусь напротив. Я стаскиваю пуховик, оглядываюсь по сторонам. Поразительно, как много народу всегда в «Икее». Пахнет мокрой шерстью, по том, булочками с шафраном и столовской едой.

Гунилла возвращается с пластиковым подносом с булочками с шафраном и двумя чашками. Я сразу узнаю пряный запах.

– Глэг? Безалкогольный?

Гунилла только смеется и хитро смотрит на меня.

– Нет, я решила устроить нам праздник. Отметить покупку квартиры.

– Но я за рулем.

– Всего одна чашечка. Ты же походишь со мной по магазину?

– Ты безумна. Праздновать? В «Икее»?

– Почему бы и нет?

– Нет ничего ужаснее, чем праздновать в ресторане «Икеи».

Гунилла пьет горячий глэг и оглядывается по сторонам. Ее взгляд останавливается на пожилой паре, которые взяли по детской порции тефтелек.

– Бывает и хуже. Как ты?

Из наших друзей только Гунилла знает правду. Я рассказала ей о болезни еще раньше, чем Уве. Может, потому что она мне ближе, чем муж. Что тут поделаешь.

– Все хорошо.

– Что сказал врач?

– Ничего нового.

Она кивает, с тревогой вглядывается в мое лицо. Сжимает мою руку. Я чувствую, как ее тепло меня согревает.

– Ты же скажешь, если тебе понадобится помощь?

– Мне не нужна помощь.

– Вот поэтому я и прошу тебя ничего не скрывать. Меня смешит ее трогательная забота.

– А ты как? Как твой новый роман?

Гунилла смеется и потягивается как кошка. Опускает чашечку, нагибается вперед и шепчет, словно это страшный секрет:

– Фантастика. И нас тянет друг к другу... безумно тянет. Буду откровенна: я постоянно его хочу. Наверно, это неприлично в нашем возрасте.

– Эх, я бы все отдала за то, чтобы испытать такую страсть.

Мы с Уве больше не занимаемся сексом, но я не хочу говорить об этом Гунилле. Не потому, что не хочу знать ее реакцию, а потому что мне стыдно за то, что я живу с тем, кому не испытываю никаких чувств. Только слабаки остаются в плохих отношениях. Я не хочу выглядеть слабой. Особенно в глазах Гуниллы. Сквозь шум в ресторане я слышу звук мобильного телефона. Бросаю взгляд на дисплей. Незнакомый номер.

– Ответь, – говорит Гунилла. – Мне нужно в дамскую комнату.

Я отвечаю и смотрю, как Гунилла поднимается и идет в сторону туалета. У нее ишиас. Подозреваю, что ей больнее, чем она говорит.

У мужчины мягкий приятный голос. Он представляется Манфредом Ульссоном и сообщает, что работает следователем в полиции. Давно мне никто не звонил из полиции. Я закончила свое сотрудничество с ними пять-шесть лет назад, когда решила посвятить все свое время исследовательской деятельности. У меня больше не было времени на консультации. Точнее, это Уве решил за меня. Он считал, что я слишком много работаю и что от этого у меня портится настроение. К тому же особой потребности в деньгах у нас не было.

– Мы с вами сотрудничали десять лет назад, – говорит следователь. – Не знаю, помните ли вы меня.

Имя Манфред Ульссон ничего мне не говорит, но я не хочу в этом признаваться и молчу.

– Это касалось расследования убийства в районе Сёдермальм в Стокгольме. Молодому мужчине отрезали голову.

– Помню... – обрываю я. – Вы тогда никого не поймали.

Деменция или нет, а ту голову на полу я никогда не забуду.

Может, потому что убийство было совершено с изощренной жестокостью. Может, потому что мы приложили все силы, чтобы найти убийцу. Когда они обратились ко мне, расследование велось уже несколько месяцев. Меня наняли в качестве психолога-консультанта составить психологический портрет убийцы.

Я вообще-то занимаюсь поведенческой терапией, но в своих работах затрагивала и мотивы преступлений.

В результате я несколько лет консультировала полицию в отношении самых чудовищных преступлений.

– Именно так. Мы так его и не поймали. А теперь произошло похожее убийство. Сходство поразительное. Я хотел узнать, не будет ли у вас возможность встретиться за чашкой кофе. У вас тогда были очень любопытные мысли по поводу психологического портрета преступника.

Гунилла возвращается, присаживается напротив и допивает глёт одним глотком.

– Я больше не работаю на полицию, – говорю я.

– Я знаю. Речь идет не о работе. Я только хотел встретиться с вами за кофе и поговорить. Если у вас есть время и желание.

Он замолчал. Гунилла вопросительно посмотрела на меня.

– Я подумую, – отвечаю я.

– Это мой номер, – говорит полицейский.

Вернувшись домой, я вижу Уве в прихожей. Он меня ждал. Седые редкие волосы зачесаны набок в попытке скрыть голый череп. Рубашка грозит лопнуть на животе. Лицо красное и потное, словно он только что вернулся с прогулки. Он демонстративно смотрит на часы.

Часы дорогие, чтобы все окружающие знали статус их владельца.

– Без десяти, – говорю я.

Не устаивая меня ответом, Уве поворачивается и идет в спальню. Через минуту он возвращается уже одетый. Я ставлю пакет с салфетками и свечками на пол и приветствую Фриду, прыгающую вокруг меня и жаждущую внимания. Запускаю пальцы в мягкий черный мех, напоминающий овечью шкуру.

На Уве кофта горчичного цвета. Я ее ненавижу. Он надевает куртку, ботинки, ищет мой взгляд.

– Надо идти, если хотим успеть.

Улица Каптенсгатан не расчищена от снега. Я ступаю осторожно, чтобы не зачерпнуть снег ботинками. Иду по уже вытоптанной в снегу дорожке. В темноте мы идем в сторону улицы Артиллеригатан.

– Мне позвонили сегодня из полиции, – говорю я.

– Вот как, – нейтрально отвечает Уве, не выдавая своих чувств по этому поводу.

Но он всегда такой. Молчит, пока не взорвется от переизбытка эмоций.

– Они хотят со мной встретиться.

– Ага.

Мы идем вверх по улице к церкви, проходим мимо ресторана при музее Армии, где иногда обедаем.

– Произошло убийство, и почерк похож на преступление, которым я занималась десять лет назад.

– Ради всего святого, Ханне, скажи, что ты шутишь.

– А что? – Я делаю вид, что ничего не понимаю.

Уве останавливается. Не встречается взглядом, смотрит только на церковь всю в снегу на вершине холма. Шпиль устремляется вверх, в черное небо, за которым начинается вечность.

Руки у него сжаты в кулаки. Я вижу, что он зол. Его злость доставляет мне удовольствие. Мне приятно видеть его таким. Я как подросток, который провоцирует родителей, чтобы получить их внимание.

Муж поворачивается, кладет руку мне на плечо, и этот демонстративно учтивый жест приводит меня в бешенство. Уве обращается со мной как с ребенком, как с беспомощным существом.

– Что? Что? – говорю я.

– Разве это разумно?

Он понизил голос, пытается взять себя в руки. Уве ненавидит терять контроль над собой. Хуже этого только когда я выхожу из себя.

– Что разумно?

– Браться за работу в твоём положении?

– Положении? Я не беременна.

– Лучше бы это было так.

– И кто сказал, что я возьмусь за эту работу?

– Черт побери. Ты прекрасно знаешь, чем кончаются эти звонки.

– А что, если и так? Кто сказал, что я не могу работать?

Уве вздергивает подбородок, чтобы смотреть на меня сверху вниз. Я ненавижу, когда он так делает. Он набирает в грудь воздуха и заявляет:

– Я сказал. Ты нездорова. Ты не можешь работать. И я как твой муж и опекун должен запретить тебе это.

Больше всего на свете мне хочется дать ему достойный ответ: залепить пощечину или хотя бы развернуться и пойти домой, наплевав на рождественский концерт. Дома можно было бы разжечь камин, выпить бокал вина, полежать с Фридой на диване. Но я держу язык за зубами. Мы молча продолжаем путь.

Эмма

Двумя месяцами ранее

– Ну, как все прошло вчера?

В голосе Ольги радость и любопытство. Бледно-голубые глаза внимательно изучают меня, пока она ловко сворачивает джинсы на столе перед кассой.

И я не знаю, что ей ответить. Часть меня хочет сказать, что все прошло хорошо, что я приготовила вкусный ужин и что мы занимались любовью всю ночь. Другая часть хочет сказать правду, но боится.

– Он не пришел.

– Не пришел?

Ольга откладывает джинсы, которые были у нее в руках, и с тревогой смотрит на меня.

– Нет, не пришел. И я не смогла с ним связаться, так что я не знаю, что произошло.

– Он не позвонил?

– Нет.

Ольга молчит. Это молчание действует мне на нервы. Я вижу, что она тоже не знает, что сказать на это.

– Но обычно он звонит, если опаздывает или не может прийти?

После секундной заминки я отвечаю:

– Он никогда не опаздывает. И никогда раньше не отменял свиданий.

Внезапно мне становится трудно дышать, хотя мы недавно открыли магазин и покупателей пока нет. Искусственный свет люминесцентных ламп режет глаза. Я чувствую приближение мигрени. Опираюсь о стол и борюсь с наворачивающимися на глаза слезами.

– Что, если с ним что-то случилось? – шепчет Ольга. Между сильно подведенных бровей появилась морщинка. Не в силах произнести ни слова, я киваю.

– Ты ему звонила?

– Только что.

Она ничего не говорит, только продолжает складывать джинсы, поглядывая в глубину магазина.

– Идет, – шепчет она, не глядя на меня. Я беру ближайшие джинсы, начинаю складывать, но все бесполезно. Он нас заметил.

– Опять трепетесь? Эмма, живо за кассу.

Бьёрне подстригся. Убрал успевшие отрасти полоски на затылке. Черные волосы зачесаны набок, закрывая один глаз. Его тощее тело в жилетке в сочетании с этой прической напоминает мне Лаки Люка. Надменного, стареющего Счастливого Люка³.

Не достаивая его ответом, я встаю за кассу. Думаю о маме. О маме и ее сестре, которых больше нет. Как изменилась моя жизнь с их уходом. Смотрю на Бьёрне и горы джинсов на столе и вспоминаю смех в маленькой квартирке тети Агнеты на Вэртавэген и аромат свежесваренного кофе, смешавшийся с запахом сигарет мамы. Тетя Кристина бросила курить и говорила маме, что она тоже должна бросить из солидарности. Сначала я думала, что она злится, но все только смеялись, словно это была веселая шутка.

³ Счастливчик Люк (англ. Lucky Luke) – серия комиксов, впервые опубликованная в 1947 году бельгийским художником Морисом де Бевером, более известным под псевдонимом «Моррис». Главным героем комикса является Счастливчик Люк, бесстрашный ковбой на Диком Западе, который «стреляет быстрее своей тени».

Это была первая суббота в этом месяце, и тетушки собрались на традиционный совместный ланч. Он всегда превращался в шумные посиделки, и вход туда мужчинам был запрещен. Не знаю, почему они разрешали мне присутствовать, ведь им приходилось шептаться. Но, несмотря на всю секретность, я понимала, что они обсуждают: нового парня Лены, простоватого мужа Кристины и больную спину мамы.

Мама была самой младшей из сестер. Младшим невоспитанным ребенком, которого все баловали и которому все прощали. Она шокировала всю семью, когда забеременела в восемнадцать лет.

Очередной взрыв смеха. Они смеялись, как девочки. Агнета даже закашлялась от смеха. Я слышу звон чашек из кухни. В спальне, где я сижу на паркетном полу, скрестив ноги, все хорошо слышно, что происходит в кухне. У меня на коленях стеклянная банка с гусеницей. Листья давно уже пожухли и опали. Голая ветка напоминает колючую проволоку. Светло-зеленой гусеницы не видно. Но папа мне все объяснил. Она превратилась в куколку, которая висит на веточке. И что скоро меня ждет настоящее чудо. С гусеницей происходит волшебство, и, если мне хватит терпения и на то будет Божья воля, я увижу, как из куколки потом появится совершенно новое насекомое.

Мне очень хотелось поймать момент, когда новое насекомое вылупится из куколки, но я не знала, когда именно это произойдет. По этой причине я и таскала все время банку с собой. Первое, что я делала, просыпаясь утром, это изучала куколку, чтобы увидеть малейшие признаки изменения. И перед сном я тоже проверяла банку. Я спрашивала папу, почему гусеница не хотела оставаться гусеницей, почему ей так необходимо было превратиться в куколку, но папа только покачал головой и грустно улыбнулся.

– У нее нет выбора, крошка. Она должна перевоплотиться или умереть. Такова ее природа.

Я долго размышляла над этим высказыванием, пыталась представить, каково это было бы – встать перед единственным выбором: перевоплотиться или умереть. Но как бы я ни старалась, я не могла представить себя в подобной ситуации.

Оторвавшись от банки, я посмотрела на узкую кровать тети Агнеты. «Она уже давно ни с кем ее не делила», – шепнула тетя Лена маме на лестнице. Взрослые думают, что дети ничего не слышат, или считают, что они ничего не понимают. Мне приходилось притворяться, что ничего не понимаю, и изображать из себя глупого ребенка, чтобы они не перестали при мне обмениваться секретами.

Над кроватью висел постер с футболистом. Я не понимала, что в нем было такого особенного и почему тетушки всегда так оживленно обсуждали его, стоя перед кроватью с сигаретой в руках. Я никогда этого им не говорила, но считала эту картину откровенно уродливой. Фигуры были расплывчатыми, они словно перетекали друг в друга. Я не понимала, что хотел этим сказать художник. Я была уверена, что сама нарисую намного лучше. Но я понимала, что дело не в его манере рисовать, и, как хорошо воспитанная девочка, держала язык за зубами.

– Милая, зачем ты сидишь на полу?

Тетя Агнета появилась в спальне и присела на корточки рядом со мной. Ее толстые ноги вблизи казались еще толще. Носки, длиной до колен, врезались в пухлую плоть.

– Не хочешь пересечь в кресло? Или в мою кровать? Я покачала головой, и тетя Агнета вздохнула.

– О'кей, делай как хочешь. А что, кстати, у тебя в банке?

– Куколка.

– Что?

– Куколка. Гусеницы делают такие, чтобы потом перевоплотиться.

– А где она?

Я показала тете на куколку. Она осторожно взяла банку, поднесла к свету, прищурила голубые глаза под тяжелыми веками.

– Такая крошечная.

– Она такая и должна быть. Чтобы птицы не увидели и не съели. Они питаются насекомыми.

Тетя изобразила серьезную мину и кивнула.

– Разумеется. Как я об этом не подумала. Вблизи тетя Агнета выглядела старше, чем на самом деле. Щеки свисали до самой шеи, грудь тоже была обвисшей.

– В природе все едят друг друга.

Агнета погладила меня по голове своей морщинистой рукой.

– Эмма, милая, – произнесла она нежным голосом. Это прозвучало как вопрос, словно я была способна читать ее мысли и угадывать, что она хочет сказать. Я взяла у нее банку и осторожно поставила на пол.

– Как дела дома, Эмма?

В нежном голосе появилось беспокойство. Интонация тоже была незнакомой и тревожной.

– В смысле?

Она задумалась. В кухне ее сестры говорили шепотом, явно обсуждая какого-то мужчину. Все мужчины были либо придурками, либо подлецами, и больше всех повезло Агнете, которая никогда не была замужем.

– Папа с мамой пьют много вина и пива, Эмма?

Я не знала, что ответить на этот вопрос. Сам вопрос я понимала, но не знала, что значит – пить много или мало спиртного? Много – это сколько? Дома всегда стояли банки на кухонной стойке. Но много их или мало? Сколько пьют другие мамы и папы вечерами? Я не знала и так и ответила:

– Я не знаю.

Тетя Агнета вздохнула и тяжело поднялась на ноги, отчего коленки у нее захрустели, словно были сделаны из сухих березовых поленьев, а не крови и плоти.

– Господи Иисусе, – сказала она и прижала руку к губам, чтобы скрыть отрыжку. – Не хочешь пойти поесть булочек с нами, Эмма?

– Потом.

Агнета вернулась в кухню. Сестры зашептались еще активнее. Видимо, предмет был чрезвычайно интересный.

Я взяла банку, выползла в прихожую и легла на пол, чтобы послушать. Но слышно было только отдельные слова. Я слышала хриплый шепот Агнеты:

– Странный ребенок. И потом слова мамы:

– Странный не значит плохой.

Никто из сестер не стал комментировать.

Я уже собиралась заползти обратно в спальню, когда заметила какое-то движение в банке.

Куколка, как и прежде, висела на ветке, но что-то изменилось. Она словно стала прозрачнее. Она была похожа на грязную ледышку. И внутри что-то шевелилось.

Волшебство началось.

Мужчина перед кассой протягивает мне руку и улыбается.

– Андерс Йонссон, журналист. Я робко улыбаюсь в ответ.

– Эмма.

У него голубые глаза и тонкие желтые волосы, как следы от собачьей мочи на снегу. Он одет в грязную парку защитного зеленого цвета и потертые джинсы. На вид лет тридцать.

– Чем я могу вам помочь? – спрашиваю я, осознав, что он все еще держит мою руку в своей.

Он улыбается еще шире.

– Я готовлю репортаж об условиях работы в компании. Говорят, что вам запрещено общаться с прессой, это так?

– Запрещено? Я не знаю...

– Что вам не дают даже в туалет сходить, – продолжает он.

Он прав. Правила ужесточились с приходом Йеспера, и пресса не могла это не заметить. Но я не имею права это комментировать, особенно учитывая, в каких мы с ним отношениях.

– Я не хочу об этом говорить, – отвечаю я и чувствую, что краснею.

– Мы можем поговорить в другом месте, – настаивает журналист, наклоняясь ближе. Он сверлит меня своими водянистыми глазами. Я не буду упоминать ваше имя в статье. Все будет анонимно.

– Я не хочу.

Краем глаза вижу, как кто-то подбегает к кассе.

– Она сказала, что не хочет с вами разговаривать. Чего тут непонятного?

Журналист в зеленой парке поворачивается к Бьёрне, который встал рядом со мной за кассой. Я вижу, что он зол. Челюсти напряжены, кулаки сжаты. Привычным жестом Бьёрне заправляет прядь волос за ухо, вздергивает подбородок и говорит уже спокойнее:

– Вы уже второй раз приходите сюда и мешаете сотрудникам работать. Если не уйдете, я вызову полицию. Понятно?

– У меня есть право...

– Вы не слышали, что она сказала? Мне повторить? Она не хочет с вами разговаривать.

Бьёрн брызжет слюной, произнося эти слова. Потом поворачивается и уходит. Через плечо хвалит меня:

– Молодец, Эмма.

Я снова поворачиваюсь к журналисту. Улыбка исчезла. Лицо невозмутимо. Он роется в карманах, что-то достает оттуда и подвигает ко мне. Это визитка. Наши глаза встречаются.

– Позвоните, если передумаете. И с этими словами он уходит.

Я осторожно поднимаю визитку, смотрю на нее и убираю в карман.

Йеспер Орре. Большие теплые руки. Мягкая кожа лица, с морщинками. Щетина, местами с сединой, четко очерченный подбородок. Страсть в глазах, когда он смотрит на меня, как изголодавшийся на пирожное в витрине.

Что он во мне нашел? Я совершенно обычная девушка со скучной работой и скучной личной жизнью. Почему он проводит со мной столько времени? Что во мне заставляет его растворяться в моих объятьях, ласкать каждый сантиметр моего тела, открывать во мне чувственность, о которой я и не подозревала?

Я помню наше свидание неделю назад у меня дома.

– Мы так похожи, Эмма, – бормотал он. – Иногда мне кажется, что я могу читать твои мысли, понимаешь?

Я ничего не понимаю. Я не чувствую той телепатической связи, о которой говорит Йеспер, не умею читать его мысли и не знаю, что он имеет в виду, когда говорит, что мы связаны. Но я ничего ему не говорю.

– Мне так повезло, что я тебя встретил, – шепчет он, накрывая меня своим телом, коленом раздвигает мне ноги, прижимается ко мне крепче. – Я самый счастливый человек в мире.

Он входит в меня, целует в шею, гладит мою грудь.

– Я люблю тебя, Эмма, я никогда не встречал такой девушки, как ты.

Я по-прежнему молчу, не хочу портить этот волшебный момент. Наслаждаюсь теплотой, которая разливается внутри от его слов.

Я была неподготовлена, и его проникновение причиняет мне боль. Йеспер взял меня грубо, я не получила удовольствия, но все равно мне было приятно чувствовать себя любимой, красивой, желанной. Как пирожное с малиной в окне кондитерской.

Он задвигался быстрее, сильно сжал мои руки. Капли пота упали мне на щеку. Он застонал, словно испытывая физические страдания.

– Эмма...

Это прозвучало как вопрос или призыв.

– Да? – спросила я.

Он остановился. Поцеловал меня.

– Эмма, ты готова на все ради меня?

– Да, готова, – ответила я.

Готова ли я на все ради Йеспера Орре? Это риторический вопрос. Он никогда меня ни о чем не просил, кроме того случая, когда одолжил денег, чтобы заплатить рабочим за ремонт.

Это я настояла. Не хотела, чтобы он прерывал свидание и ехал в банк. Йеспер тогда поцеловал меня и сказал:

– Дорогая, я и сам хочу остаться, но обещал расплатиться с рабочими сегодня. Наличными. Они поляки. А у меня нет с собой сотни тысяч наличными. Поэтому мне нужно в банк.

Обеденный секс.

Этому выражению меня научила Ольга. Она употребила его, когда я сказала, что мы с моим парнем встречаемся за обедом. У меня дома. Ольга всегда была такой. Прямолинейной. Говорила что думала, ничего не стесняясь.

Йеспер приподнялся на локте.

– Мне нужно идти, Эмма.

– Я могу тебе одолжить, – предложила я.

– Ты? – удивился он и явно не поверил мне, потому что встал и подошел к окну.

– У меня есть деньги.

– Сто тысяч? Здесь, в квартире? Он обвел рукой комнату.

Я кивнула.

– Да, в шкафу с бельем, – ответила я, поднимаясь с постели. Я натянула футболку. Не потому что стеснялась Йеспера, а по старой привычке. Я стеснялась своей большой груди.

Он проводил меня взглядом к шкафу и молча смотрел, как я достала стопку купюр, перемотанную красной салфеткой. «Скоро Рождество» – было вышито крестиком на салфетке.

– Ты с ума сошла? Держать сто тысяч дома в шкафу?

– Да, а что?

– Почему не в банке? Как все нормальные люди.

– А что?

– Тебя же могут ограбить! Или еще хуже. Только старые бабки держат деньги под матрасом.

Я напомнила ему, что унаследовала квартиру именно у такой старушки. Он пожал плечами и рассмеялся.

– Ну ладно. Я их верну. Скоро.

Поцеловав меня в затылок, он обнял меня сзади и накрыл груди руками.

– Я снова хочу тебя, моя богатенькая шлюшка.

Петер

Манфред с невозмутимым видом наклоняется над телом, обводит взглядом аккуратный разрез от груди до пупка, царапины на предплечьях.

– Так она отчаянно сопротивлялась? Судмедэксперт кивает. Фатиме Али сорок лет. Она родом из Пакистана, но училась в США. Мы с ней уже работали несколько раз вместе. Она до абсурдного педантична, как многие ее коллеги по профессии, и всегда аккуратна в выражениях. Я ей доверяю. Она никогда ничего не упускает. И никогда ничего не боится. Ничто не ускользает от ее внимательного взгляда.

– У нее травмы на лице и затылке и восемнадцать порезов на руках и ладонях. Большинство с правой стороны. Значит, нападавший правша.

Фатима наклоняется ниже, раздвигает пинцетом края глубокого пореза на руке, обнажая плоть.

– Смотри, – говорит она. – Глубина пореза говорит о том, что нападавший правша примерно вот такого роста. – Она поднимает руку в голубой перчатке и показывает рост преступника. Манфред инстинктивно отшатывается.

– Можешь сказать, сколько они боролись? – спрашиваю я.

Фатима качает головой.

– Сложно сказать. Но ни один из этих порезов не был смертельно опасным. Она погибла от травмы шеи.

Я смотрю на голову женщины на стойке из нержавеющей стали. Темные волосы в запекшейся крови. Аккуратные брови. Под ними месиво из мяса и костей.

– А что по поводу шеи? – спрашиваю я. Фатима кивает, вытирает лоб тыльной стороной ладони. Жмурится от яркого света.

– Несколько ударов по шее. Даже одного было достаточно, чтобы убить ее, но преступник явно задался целью отделить голову от тела. Позвоночник был разрезан между третьим и четвертым позвонком. Требуется достаточно мощная сила, чтобы сотворить такое. Или упрямство.

– Насколько мощная? – спрашивает Манфред, подходя к ней.

– Сложно сказать.

– Могла бы женщина или слабый человек сделать это? Фатима приподнимает брови и скрещивает руки на груди.

– Кто сказал, что женщины слабые? Манфред переминается с ноги на ногу.

– Я не это имел в виду.

– Я знаю, что ты имел в виду, – демонстративно вздыхает Фатима. – Да, женщина способна на такое. Пожилой человек. Молодой сильный мужчина. Это уже ваша задача выяснить, кто убийца.

– А что еще ты узнала? – спрашиваю я.

Фатима кивает, смотрит на бледное тело на столе.

– Я могу сказать, что ей лет двадцать пять-тридцать. Рост сто семьдесят сантиметров. Вес шестьдесят кило. Нормальное телосложение. Здоровая, спортивная.

От запаха в помещении меня тошнит. Мне хочется думать, что у меня после стольких лет морга выработался иммунитет, но к этому запаху невозможно привыкнуть. Его нельзя назвать вонью, это больше похоже на запах, который появляется через неделю у срезанных цветов, смешанный с запахом сырого мяса, но я чувствую, что мне срочно нужно на улицу. Я мечтаю о глотке свежего холодного воздуха.

– Еще кое-что, – добавляет Фатима. – Она родила ребенка. Или, по крайней мере, была беременна.

– Родила? – переспрашивает Манфред.

– Сложно сказать, – отвечает Фатима, с треском стаскивая перчатки.

Манфред ведет машину. Мы возвращаемся в участок. Снова идет снег. Уже темнеет, хотя на часах только три.

– Хорошенькая, – говорит Манфред, включая радио.

– Фатима?

– Нет, та, что без головы.

– Ты больной.

– Я? Ты же сам видел. Она была красоткой. Такое тело. Такая грудь...

Я обдумываю его слова.

– Нам известно, кто она?

– Нет.

– А Орре мы взяли?

– Нет. На работу он вчера не явился.

– А сегодня?

– Не знаю. Санчес проверяет. Но вся Швеция его ищет, так что долго он прятаться не сможет.

– Предварительный отчет криминалистов готов?

– Лежит на твоём столе. Никаких следов грабежа. Значит, кто-то впустил убийцу внутрь или это был его дом. Тогда это Орре. Они нашли следы мочи на полу и отпечатки рук и подошв, но соседка там основательно потопталась, так что не знаю, поможет ли это следствию. И много разных волокон, но ничего примечательного. Орудие убийства – мачете. Они послали его на экспертизу. Посмотрим, что обнаружат специалисты. И они подключили того парня – Линдблада, который специализируется на пятнах крови на стенах и может реконструировать ход событий.

Пауза. Манфред стучит пальцами по рулю в такт музыке, и я понимаю, что он нервничает. Он давно не брился, под глазами – мешки.

– Наде получше? – спрашиваю я.

Он смотрит на меня и поправляет воротник пальто из верблюжьей шерсти.

– Всю ночь капризничала. Афсанех чуть с ума не сошла. Ей нужно было рано на работу. Ее аспирант защищает. И она снова начала говорить о браке. Как будто у нас без этого забот мало. Почему женщины так делают?

Мне нечего на это ответить. С моим браком было то же самое.

Мы встречались с Жанет около года, когда она начала говорить о браке. Я не знаю, как это получилось, но почему-то она решила, что я согласен. Разумеется, мне нужно было твердо сказать нет, а не изворачиваться, как я обычно делаю. Но, наверно, я не хотел (или боялся) ее разочаровать. И позволял нудеть дальше.

Все последующие месяцы Жанет обсуждала цветы, меню и пригласительный список. Она приносила домой торты на пробу, рисовала план рассадки гостей и ставила свадебные марши на диктофоне. И сидела на диете.

Я даже начал переживать за нее. Она ела как птичка, чтобы влезть в свадебное платье. Платье, которое мне нельзя было видеть до дня свадьбы. Это было чертовски важно.

Сам я, как обычно, был занят работой. Мы расследовали убийство женщины-полицейского, занимавшейся делом о незаконной парковке в Тенсте. Меня недавно повысили, и мне важно было доказать, что повышение было заслуженным. На мою работу Жанет было плевать. Она постоянно требовала к себе внимания. Вместе мы должны были смотреть церкви, бронировать свадебное путешествие и репетировать брачные клятвы (которые она сочинила).

Однажды вечером она пришла домой с пачкой конвертов в руке. Я помню, что она была очень возбуждена, как в те дни, когда покупала что-то очень дорогое или находила выгодную поездку в одном из каталогов, которые таскала домой десятками.

Глаза у нее блестели, светлые волосы были растрепаны. Жанет рассказала, что приглашения готовы, протянула мне пачку и спросила, не мог бы я их отправить. Не помню, что я ответил. Наверно, что мы обсудим это позже, но, как обычно, она меня не слушала.

Я помню, что сидел дома в кресле с приглашениями в руках и думал, что, черт возьми, мне с ними делать. Конечно, можно было послать их по почте. Это было бы самое простое. Просто пойти на перекресток и сунуть в желтый почтовый ящик и больше о них не думать. Но я не мог себя заставить это сделать. Я не был готов. Не готов сделать этот решающий шаг по направлению к браку, которого не хотел. Сначала я хотел поговорить с Жанет и сказать все, как есть на самом деле: что я боюсь свадьбы и что я хотел бы ее отложить. Но когда я вошел в спальню, она уже спала. И я положил приглашения в ящик письменного стола и решил поговорить с ней потом.

А потом вышло как вышло. Не то чтобы я забыл про приглашения, просто у меня не было сил их обсуждать. Каждый раз, когда я хотел поговорить с Жанет, что-то мне мешало или она была не в настроении говорить. У нее бывали такие периоды, когда она просто была в дурном настроении и не желала ничего обсуждать. Причем явно без особых на то причин. Вспоминая то время, я понимаю, что ищу оправдание своему поведению. Даже пытаюсь оправдаться перед самим собой.

Но мне нет оправдания. Я поступил незрело и по-идиотски, и я глубоко ранил Жанет, которой никогда не желал зла. Как я мог так поступить? Я не хотел ее обижать. Я просто хотел, чтобы она оставила меня в покое.

Когда дата свадьбы начала приближаться, – думаю, оставалось три-четыре недели, Жанет присела рядом со мной на край кровати. Волосы, которые она отращивала для свадебной прически, висели паклей вокруг ее грустного лица. Отвисшая из-за диеты грудь болталась. «Никто не отвечает на приглашения, – сказала она. – Ты не находишь это странным?»

Я читал в кровати протокол, который обещал прокурору закончить к завтрашнему утру, и у меня не было ни сил, ни времени обсуждать с ней приглашения. Но все равно этот разговор меня расстроил. Мне стало стыдно.

– Думаешь, они потерялись на почте? – спросила она тихо.

Ее поникшие плечи, безжизненный голос ранили меня в самое сердце. Я чувствовал себя предателем. Мне было очень плохо.

Но я не мог найти в себе сил рассказать ей правду. В тот момент. И я решил, что все расскажу на следующий день. Но и на следующее утро я не смог заговорить с ней. Позднее я понял, что вел себя как придурок, но было уже слишком поздно.

Ночью, пока я спал, Жанет обыскала квартиру. Видимо, она подозревала, что на самом деле случилось с приглашениями. У нее всегда было это шестое чувство. Меня разбудил чудовищный вопль. Никогда больше я не слышал такого ужасного крика. Сперва я подумал, что ее убивают, что кто-то ворвался к нам в квартиру и пытается ее изнасиловать или убить. Я вскочил, споткнулся о стул, упал, ударившись о журнальный столик, и рассек подбородок. Кровь хлынула из раны, но я поднялся на ноги и побежал на крик. Я нашел Жанет перед столом. Письма были разбросаны по полу, как осенняя листва. Она только продолжала вопить. Жанет кричала и кричала, хотя я обнял ее и пытался успокоить, как ребенка. И когда я зажал ей рот рукой, чтобы она прекратила кричать, Жанет меня укусила.

Несмотря на боль от укуса, я испытал облегчение. Во всяком случае, она перестала кричать.

Манфред, Санчес и я сидим в комнате для переговоров на четвертом этаже, справа от чулана. Она выглядит так же, как и все комнаты для переговоров в доме: белые стены, мебель из светлого дерева с синей обивкой, белый стол.

В окне подсвечник. Гуннар принес его из дома в попытке создать рождественскую атмосферу. На стене выпетший постер с инструкцией оказания первой помощи.

Мы готовимся к завтрашней встрече с отделом предварительного следствия и его руководителем – одним из новых прокуроров, Бьёрном Ханссоном. Я с ним еще не встречался, но, по словам Санчес, он «умный, но руки у него растут из жопы, и он слишком высокого мнения о своей персоне».

Манфред принес кофейник, а Санчес – булочки с шафраном из круглосуточного магазина и нож для масла. Рядом с булочками лежат фотографии с места преступления. Я тянусь за булочкой, стараясь не смотреть на фото с отрезанной головой.

Два дня прошло с тех пор, как тело женщины нашли на вилле Йеспера Орре в Юрскольме, а мы по-прежнему не знаем ее имени. И где-то родные даже не подозревают о том, что случилось с их дочерью, сестрой или матерью. И где-то на свободе ходит ее убийца.

Санчес подвела итоги собрания:

– Йеспер Орре был на работе в последний раз в пятницу. По словам коллег, в его поведении не было ничего необычного. Он уехал из офиса в половине пятого, сообщив, что направляется домой. О своих планах на выходные он ничего не говорил, но у него был отпуск до среды, что указывает на то, что он планировал поездку. Его сотовый и бумажник обнаружили дома. В бумажнике были кредитные карточки. Деньги с них не снимали. Криминалисты сфотографировали отпечатки подошв в снегу. Сорок третий размер. Судя по всему, это его следы. Они нашли также отпечатки соседки и жертвы, чья личность не установлена. Отпечатки на мачете пока не готовы, но коллеги сообщили, что они имеются.

– Что он за человек, этот Орре? – спросил Манфред, звучно отхлебывая кофе из чашки.

– Коллеги из руководства компании им восхищаются, но остальные сотрудники считают жестким и чересчур принципиальным начальником. Многие его побаиваются, – сообщает Санчес. – А персонал низшего звена его просто ненавидит. Как и профсоюз. Но вы уже в курсе. Родители на пенсии, живут в Бромме в том же доме, где Йеспер Орре вырос. Они отзываются о сыне как об амбициозном, спортивном и позитивном человеке. О психических проблемах им ничего не известно. У него вот уже много лет нет постоянной девушки, но он ведет, как они выразились, активную личную жизнь.

– Что это значит? – интересуется Манфред. Санчес нагибается и смотрит Манфреду в глаза.

С набитым булкой ртом произносит:

– Это означает, что в его постели дела идут поживее, чем в твоей, Манфред.

– Не обязательно, – комментирую я, но мой комментарий только вызывает у Санчес смех. Крошки сыпятся у нее изо рта на короткую черную юбку.

Манфреда разговор только забавляет. Он снимает клетчатый пиджак, аккуратно вешает на спинку стула и ударяет кулаком по столу, чтобы привлечь наше внимание.

– Давайте напряжем мозги, чтобы поскорее закончить это собрание и отправиться домой. Санчес, какая у тебя версия?

Санчес у нас самая младшая, поэтому ее всегда спрашивают первой. Это часть обучения. Пусть перенимает опыт у коллег постарше, поопытнее. Санчес выпрямляется, делает серьезное лицо, сцепляет руки на столе.

– Это очевидно. Йеспер Орре ссорится с одной из своих девиц. Ссора перерастает в драку, и он ее убивает, а потом скрывается.

– Но почему без мобильного и кошелька? – спрашивает Манфред, отряхивая невидимые крошки с розовой рубашки.

– Потому что не хочет оставлять следов, – предполагает Санчес. – Или просто забыл. Голова была занята другим.

– Само убийство, – говорю я, показывая на фото головы, растущей как гриб из пола, – наталкивает на разные мысли. Зачем такая жестокость? Разве мало было просто убить ее? Зачем отрезать голову?

Санчес хмурится.

– Наверно, он был сильно зол. Она его взбесила.

– Я думаю о том, специально ли убийца поставил голову так, чтобы она смотрела на входящего. Вы это заметили? Может, он что-то хотел нам сказать?

– Например? – спрашивает Манфред.

Мы смотрим на фото. Глаза у женщины закрыты. Слипшиеся пряди волос падают на лицо. Санчес пожимает плечами.

– Не знаю. Может, хотел сказать: «Смотрите, что бывает, когда меня пытаются обмануть»... или что там она такого ему сделала.

У Манфреда звонит мобильный. Он достает его из кармана, слушает и говорит:

– Мы сидим в переговорной на четвертом. Можешь проводить ее сюда? Хорошо.

Он собирает фотографии в аккуратную стопку и кладет рядом с собой. Делает глубокий вдох и откидывается на спинку стула.

– У нас гости, – говорит он. – Помните, мы говорили об убийстве в районе Сёдермальм лет десять назад? У которого был похожий почерк. Я позволил себе пригласить сюда специалиста, который тогда участвовал в расследовании. Не потому что считаю, что между ними есть связь, а потому что надеюсь, что она может помочь нам вычислить преступника.

И тут раздался стук в дверь. Меня сначала бросило в холод, а потом в жар. Сердце бешено заколотилось в груди. По спине побежали мурашки. Стены комнаты начали сжиматься, потолок падать вниз, словно грозя меня сплющить. Открылась дверь, и на пороге появилась она в слишком большом для нее черном пуховике и сапогах, которые подошли бы для экспедиции на Северный полюс.

Но одежда никогда не была ее сильной стороной. В густых каштановых волосах появилась седина. Очки придавали ей строгий вид, но в основном она не сильно изменилась. Выглядит как десять лет назад. Она столь же прекрасна. Разве это возможно? Мелкие морщинки и худоба придают ей хрупкости и беспомощности, и это делает ее еще красивее.

– Это Ханне Лагерлинд-Шён, – представляет Манфред.

Эмма

Двумя месяцами ранее

Есть особого рода усталость, от которой страдают сотрудники магазинов. Интенсивное искусственное освещение и вечная фоновая музыка оказывают отупляющее воздействие на человека. Иногда мне кажется, что я засыпаю на ходу, хотя изо всех сил стараюсь изобразить адскую деятельность. А может, я и правда засыпаю на работе, потому что целые часы выпадают из моей памяти. Мне кажется, что я только вернулась с обеда, а нужно уже закрывать магазин. Или я вдруг обнаруживаю, что кучу времени проторчала в подсобке, но совершенно не помню, что при этом делала.

По улице идут люди в мокрых куртках и с зонтиками. Манур нацепляет ярлыки со сниженными ценами на вещи из летней коллекции. Она слегка пританцовывает в такт музыке. Длинные темные волосы водопадом спадают по плечам и вниз на спину, обтянутую красной туникой. Под туникой у нее узкие черные джинсы. Ноги делают робкие танцевальные па. Ольги нигде не видно. Может, вышла покурить. Может, ушла на обед. От Йеспера по-прежнему ни слуху ни духу.

Он словно сквозь землю провалился. Я не в силах разгадать эту загадку. Но если бы с ним случилось что-то серьезное, об этом бы наверняка сообщили в новостях. И если с ним все в порядке, то почему не позвонил и не предупредил? До этого он никогда не опаздывал на свидания.

В магазине пусто. Я часто моргаю – глаза пересохли от кондиционированного воздуха. Из колонок доносится та же музыка, что и весь день. Отдел маркетинга меняет список песен раз в месяц, и целый месяц мы обречены слушать одну и ту же музыку весь день напролет.

«Так же с ума можно сойти», – сказала мама. Правда заключается в том, что ко всему привыкаешь. Со временем перестаешь замечать музыку. Просто передвигаешься по магазину как зомби, не вслушиваясь в звуки, отключаешь мозг и органы чувств и работаешь на автомате.

– Тебе нравится твоя работа? – спросил Йеспер за нашим первым совместным ужином.

Я заёрзала на стуле, не зная, что и ответить. Мы были в ресторане на площади Стуреплан. Я много раз проходила мимо него, но ни разу тут не была. Я решаю соврать. Я тогда еще плохо знала Йеспера и не знала, как он отреагирует на правду. Он все-таки мой главный босс.

– Да, – солгала я. – Нравится.

– Звучит неубедительно.

Официантка в тфлях на высоких каблуках протянула нам меню и нагнулась над столом, чтобы принять заказ. Юбка была настолько короткая, что видно было трусики под тонкими колготками. Я была рада ее появлению, потому что оно позволило сменить тему.

– Что будешь?

– То же, что и ты.

Йеспер странно посмотрел на меня, а потом повернулся к официантке и сделал заказ. Ослабил галстук, поудобнее устроился на стуле и вздохнул.

– Порой я ненавижу свою работу, – сказал он, переводя взгляд на улицу за окном, залитую вечерним солнцем и блестящую после недавнего дождя.

– Почему?

– А за что я должен ее любить? То, что я начальник, еще не означает, что моя работа мне нравится. Это огромная ответственность.

У него был усталый вид. На губах заиграла циничная улыбка. Таким я его еще не видела.

– Люди думают, что у меня чертовски интересная работа. Но это миф. На самом деле все совсем обыденно.

– Я не понимаю, – пробормотала я.

– Не понимаешь, правда?

Принесли напитки. Я так нервничала, что у меня тряслась рука, когда я подносила бокал ко рту. Мне пришлось взять его обеими руками, но содержимое все равно расплескалось мне на пальцы. Они тут же стали липкими. Я попыталась протереть их салфеткой, но она была слишком тонкая и вся размякла. Йеспер вроде бы не заметил, как я нервничаю. Он почти не смотрел на меня. Улыбался своим мыслям.

– Правда?

– Правда.

Он сделал глоток и наклонился вперед ко мне. Что-то промелькнуло у него во взгляде, что-то неуловимое.

Морщинки вокруг глаз стали заметнее. Сколько ему лет? Сорок? Больше? Какая у нас с ним разница в возрасте?

– Наверху одиноко, – произнес он.

– Одиноко?

– Ты мне не веришь? Но это действительно так. Все время быть у всех на виду, под прицелом объективов прессы, видеть свое лицо в газетах, быть главным боссом. Все тебя знают, а ты не знаешь никого. Все хотят с тобой дружить ради собственной выгоды. Ты никому не можешь доверять. Понимаешь?

– Понимаю.

Он цинично улыбнулся, обнажив неестественно белые зубы. Как ему это удастся? Постоянно отбеливает?

– Я знал, что ты меня поймешь. Мы похожи, Эмма. Мы чувствуем то же самое.

И снова у меня появилось неприятное чувство, что он приписывает мне качества и мысли, которые мне были несвойственны. Словно он представляет меня совершенно другим человеком. И это чувство рождало страх. Если он узнает правду обо мне, он будет разочарован. Что, если я только игрушка для богатого избалованного плейбоя? А попользовавшись, он выбросит меня, как ненужный хлам.

– А в личной жизни? У тебя есть семья? – спрашиваю я.

Отчасти вопрос был риторический. Я прекрасно знала, что Йеспер не женат и у него нет детей. И что он меняет подружек как перчатки. Все, кто умеет читать, в курсе его любовных походов. И даже те, кто не умеет читать. Потому что достаточно фотографий в бульварных газетах.

Йеспера вопрос явно расстроил. Уголки рта опустились.

– Не сложилось, – коротко ответил он. – Посмотрим меню?

Мы сделали заказ.

За окном пара влюбленных целовались, освещенные вечерним солнцем. Эта картина меня смутила. Я не знала, куда деть глаза, и занялась снятием остатков салфетки с липких рук.

– А у тебя есть семья? – спросил Йеспер.

– У меня?

– Да, у тебя, Эмма, – улыбнулся он.

У меня вспыхнули щеки. Мне было стыдно, что я так теряюсь в его присутствии.

– Если ты имеешь в виду бойфренда, то я одна. А что касается семьи... у меня есть мама.

– Да? Вы близки? Часто встречаетесь?

– Не особенно. Видимся пару раз в год. Не могу сказать, что мы близки.

– Вот как.

Внезапно я ощутила сильное желание довериться ему. Обычно я никому не рассказывала о маме, но почему-то с Йеспером мне показалось это правильным.

– Моя мама алкоголичка, – призналась я.

Он внимательно посмотрел на меня, наклонился вперед и взял мою липкую руку в свою.

– Прости, я не знал.

Я кивнула, уставившись в стол, боясь поднять на него глаза. Язык перестал меня слушаться.

– И давно у нее эта проблема?

Я колебалась, не зная, можно ли довериться ему полностью.

– Сколько я себя помню.

Было ли время, когда мама не пила? Я такого не помню. Но когда я была маленькой, она была веселой и энергичной. Поздно ночью, когда я уже должна была спать, ей внезапно приходило в голову побегать по снегу босиком. Однажды, когда она была навеселе, мы зашли в зоомагазин и купили щенка. Маму так шатало, что мне приходилось ее поддерживать. Один раз у нас кончились деньги, и мы воровали еду в продуктовом магазине. Нам было весело.

– А твой папа? – спросил Йеспер.

– Он умер, когда была в старших классах школы.

– Ты по нему скучаешь?

– Иногда. Он мне снится.

Он с понимающим видом кивнул.

– А отчим?

Перед глазами встал Кент, и я вздрогнула. Мама встречалась с ним несколько лет. Я никогда не понимала, что у них было общего, помимо выпивки.

– Должно быть, сложно расти в семье алкоголиков. Его рука по-прежнему сжимала мою, и его тепло согревало меня, как солнце.

– Мне было одиноко.

– Как я и говорил, – с триумфом объявил он и сильнее сжал мою руку.

– Что?

– Что ты тоже одинока. Как и я. Я это знал.

По дороге домой я выхожу на станции «Слюссен». Холодный ветер дует вдоль Ётгатан, гоня сухую листву и окурки. Влажная земля покрылась кристалликами льда. Они сверкают в свете фонарей. Идти скользко. Поворачивая на Хёгбергсгатан, я подскользываюсь и чуть не падаю. Запах еды из уличных киосков ударяет мне в нос. Двое парней в арке курят одну сигарету по очереди. Они смотрят на меня так, словно я им помешала. Вид у них угрожающий. Я плотнее запахиваю куртку на груди и спешу вперед. Наконец я подхожу к подъезду на Капельгрэнд.

Я сразу узнаю дом. Увядающие розовые кусты перед крыльцом. Цветные витражи в дверях. Я тянусь к ручке, и в этот момент дверь открывается и выходит пожилой мужчина с собакой. Он здоровается и придерживает для меня дверь, хотя мы незнакомы. Я киваю.

На двери нет именной таблички, только стикер со словами «Рекламы не надо», написанный Йеспером. Я узнаю квартиру. Мне всегда казалось странным, что Йеспер не хочет иметь табличку на двери, но он говорил, что не хочет возбуждать любопытство соседей и привлекать внимание журналистов. Я нажимаю кнопку звонка. Тишина. Жду немного, снова нажимаю. Долго не убираю палец с кнопки. Звонок звонит долго и тревожно. За дверью раздаются шаги. Дверь распахивается:

– Да?

Мне открывает мужчина в майке и спортивных штанах. В руке у него бутылка пива. Он весь в татуировках, длинные волосы собраны в конский хвост. Но меня поражает не это. В

прихожей совсем другая мебель, чем у Йеспера. Никаких красных стульев и столика. К стене прислонены картины. Верхняя одежда валяется в углу. Коврика, вытканного мамой Йеспера, тоже не видно.

– Простите, а Йеспер дома?

– Йеспер? Какой Йеспер?

Мужчина открывает банку. Пиво пузырится. Он подносит банку к губам, делает глоток.

– Хозяин квартиры. Йеспер Орре.

– Никогда не слышал. Здесь живу только я. Вы ошиблись адресом.

Он тянет на себя дверь, но я успеваю вставить ногу в проем.

– Подождите. На этом этаже только одна квартира?

– Да.

– А кто здесь жил до вас?

– Понятия не имею. Я здесь только месяц и скоро выезжаю. Дом будут сносить. А теперь, если позволите, у меня куча дел...

Я убираю ногу, прошу меня извинить. Мужчина захлопывает дверь.

Дома я меряю квартиру шагами. Хожу туда-сюда по скрипящему паркету. За окном чернильная темнота. Кажется, что окна замуровали. Ветер так сильно дует, что стекла в окнах трясутся, протестуя против плохой погоды. Я ловлю себя на том, что дома делаю то же, что и в магазине. Хожу бесцельно кругами в попытке привести мысли в порядок.

Ни звонков. Ни эсэмэс.

Я проверила почту. Только реклама и счета. Я даже не стала вскрывать конверты, просто сунула в банку к остальным.

Опускаюсь в зеленое кресло. Кручу обручальное кольцо на пальце. Камень просто огромный. Я стягиваю кольцо, подношу к свету. Гравировки нет. Мы хотели сделать ее позже.

Камень абсурдно гигантский.

Я никогда не видела такого большого бриллианта. В голову лезут вопросы Ольги о цене. На самом деле вполне логичный вопрос. Сколько стоит такое кольцо? Йеспер не хотел, чтобы я видела чек. А я решила, что это очень романтично. Чувствовала себя героиней фильма «Красотка», когда мы мерили его в ювелирном магазине с просиженными диванами. Не меньше пятидесяти тысяч крон, думаю я. Учитывая, сколько стоили другие кольца с камнями поменьше, это должно стоить по меньшей мере пятьдесят тысяч. Какое-то безумие. Я никогда не тратила столько денег на бесполезные побрякушки. Ни у кого в моей семье не было такой роскоши. Кроме, разве что, моей тети.

У меня на пальце целое состояние, но мужчина, который мне его преподнес, словно растворился в воздухе. Зачем мужчине говорить девушке, что он ее любит, дарить баснословно дорогое обручальное кольцо, а потом исчезать? Какое может быть этому всему объяснение? Несчастный случай? Внезапная болезнь? Неожиданный отъезд? Потерянный телефон? А что, если он сделал так нарочно? Может, ему доставляет извращенное удовольствие знать, что я переживаю, что я сижу и жду его, терзаясь подозрениями. Я гоню от себя эти мысли.

Он вернется. Надо только подождать.

Я чищу зубы и ложусь в холодную постель. Несмотря на то что голова моя полна тревожных мыслей, я засыпаю сразу. Мне снится, что он стоит у моей кровати и смотрит на меня спящую. Луна светит в окно. Я пытаюсь напирать глазами и разглядеть его лицо, но не могу. Он только черный силуэт в серебристом лунном свете, незнакомец в моей жизни. Я хочу с ним поговорить, хочу, чтобы он объяснился, но мое тело меня не слушается. Я не могу открыть рот, не могу пошевелить языком. С моих губ не слетает ни звука. А потом он исчезает.

Когда я просыпаюсь, за окном уже светает. Я встаю на кровати, провожу рукой по пожелтевшим обоям, пытаюсь осознать, что произошло прошлой ночью.

И вижу, что картины Рагнара Сандберга нет на прежнем месте. Остался только яркий четырехугольник на обоях в том месте, где она висела. И гвоздь. И хотя я знаю, что это бесполезно, всё равно отодвигаю кровать от стены и ищу на полу. Там нет ничего, кроме пыли и старого чека из продуктового магазина.

Я пытаюсь обдумать случившееся. Кто-то влез ко мне в квартиру ночью, пока я спала, и украл картину? Или ее не было уже вчера, когда я вернулась домой? Заметила ли я что-нибудь странное вчера? Ничего такого не припоминаю. Обычный вечер. Одинокий вечер в компании Сигге и осенней бури за окном.

Картина была единственным ценным предметом в моем доме. Если не считать денег, которые я одолжила Йесперу. Что мне теперь делать? Счета копятся в банке для хлеба, как заплесневелые горбушки. До зарплаты осталась неделя, но надолго этих денег не хватит. Что, если кто-то был здесь ночью и украл картину? Что, если он стоял и смотрел, как я сплю, вслушивался в мое дыхание, пока я, ни о чем не подозревая, видела сны?

Сон. Силуэт в серебристом свете луны. Чувство страха, когда я поняла, что не могу ни пошевелиться, ни закричать.

К горлу подступает тошнота. Я бегу в туалет, падаю на колени и блюю. Но выходит только желтая желчь. Я хочу подняться, но снова сгибаюсь от приступа тошноты. Ложусь на холодный пол, переворачиваюсь на спину, раскидываю руки, как морская звезда.

Потолок грязный и весь в паутине. Паутина колышется на сквозняке. Кто-то наверху спускает воду в туалете. В трубах шипит и булькает на непонятном мне языке.

Сигге подходит ко мне. На его мордочке написано удивление. Он недоумевает, что я делаю тут, на полу. Потом разворачивается и уходит, небрежно махнув хвостом.

Если бы ты умел говорить, думаю я. Ты бы рассказал мне, что тут происходило ночью, когда я спала.

Ханне

Это Уве виноват в том, что я стою сейчас здесь, в фойе Полицейского управления. После рождественского концерта в церкви у нас случилась жуткая ссора. Уве словно слетел с катушек. Он орал, что я веду себя как безответственное дитя. И как мне только в голову пришло обсуждать сотрудничество с полицией, когда у нас вся кухня обклеена бумажками с напоминаниями и я не могу запомнить даже, какой хлеб мне купить в продуктовом (темный цельнозерновой с семечками тыквы, я все прекрасно помнила, но купила другой, чтобы его позлить). Я хотела ответить, чтобы он сам покупал свой чертов хлеб, но, разумеется, не решилась. Вместо этого я просто ушла с Фридой в комнату для гостей и легла спать. Я лежала на узкой кровати и гадала, почему я никогда не могу возразить Уве, почему позволяю ему манипулировать собой. Разумеется, ответа на это у меня не было.

На следующее утро я дождалась, пока Уве уйдет на работу, позвонила полицейскому и сказала, что с удовольствием заеду к ним поговорить. Спросила, подойдет ли завтра.

Он ответил, что будет рад.

В переговорную на четвертом этаже меня сопровождала молодая женщина. Всю дорогу она болтала о погоде, спрашивала, как я сюда добралась в такой снегопад. Я вежливо ответила, что метро работает без перебоев и что я одета так тепло, что могу хоть всю ночь проспать на улице и не замерзнуть. Она окинула мой пуховик взглядом, полным сочувствия.

Мы подходим к двери. Женщина стучит. Дверь открывается. Не знаю, чего я ожидала, но только не этого.

В центре комнаты сидит он.

Петер.

У меня земля уходит из-под ног. Воздух словно выкачали из комнаты, и мне нечем дышать. Руки покалывает, сердце колотится в груди, грозя вырваться наружу. Мне хочется сбежать. Сбежать от этого невзрачного на первый взгляд мужчины средних лет, сидящего на синем стуле.

Он выглядит точно так же, как и раньше. Только вид у него усталый. И он отрастил живот. Коротко стриженные волосы с сединой. Глубоко посаженные зеленые глаза. Ястребиный нос, как у актеров из фильмов про мафию в шестидесятые годы. Маленькие, как у женщины, руки.

Я хорошо помню, что он умеет делать этими руками.

От этих мыслей мне становится нехорошо. Я прикладываю усилия, чтобы подавить желание развернуться и убежать, борюсь с собой, заставляю себя стоять спокойно.

– Добрый день, – говорю я.

– Добро пожаловать, – говорит крупный краснощекий мужчина в розовой рубашке с желтым платком на шее.

У него забавный вид. Он резко выделяется среди скучных офисных полицейских. Скорее, он напоминает члена охотничьего клуба, который зашел сюда по ошибке.

Смуглая женщина лет тридцати подходит и представляется. Я пожимаю ей руку, но не вслушиваясь в слова. И вот он стоит передо мной. Как и раньше, в его фигуре есть что-то мальчишеское, какая-то подростковая долговязость, от которой он так и не избавился. Он протягивает мне руку, и я вижу, что ему тоже неловко.

Я пожимаю руку, но стараюсь не встречаться с ним взглядом. Но все равно мое тело реагирует на его прикосновение, и реакция такая сильная, что мне становится страшно. Меня как будто пинают ногой в живот. Он выпускает мою руку. Я стягиваю куртку, сажусь на стул и отказываюсь от кофе, предложенного женщиной. Я боюсь, что не смогу удержать в трясущихся руках кружку.

Опускаю глаза и разглядываю трещинки в крышке стола. Краем глаза вижу Петера. Он делает вид, что смотрит в окно.

– Еще раз спасибо, что согласились прийти сюда, – начинает крупный мужчина. – Мы с вами встречались десять лет назад в связи с расследованием убийства Мигеля Кальдерона.

Я киваю, поднимаю на него глаза. Мужчина достает пухлую папку и начинает выкладывать на стол снимки и отчеты. Бумага пожелтела. Фотографии выцвели.

Я нагибаюсь, рассматриваю черно-белые снимки. Они оживляют в памяти воспоминания: голова молодого мужчины, специально поставленная так, чтобы убитый как бы смотрел на входящего в квартиру. Открытые глаза, подклеенные скотчем, долго потом преследовали меня в ночных кошмарах.

– Мигель Кальдерон, двадцать пять лет, разнорабочий, – рассказывает полицейский мягким бархатным голосом. Теперь я вспомнила, что его зовут Манфред. – Его тело было найдено в квартире на Хорнбруксгаттан пятнадцатого августа десять лет назад. Тело обнаружила сестра Люсия. Она долго не могла до него дозвониться и начала волноваться. У нее был ключ от квартиры. Открыв дверь, она обнаружила его на полу в прихожей. Причина смерти – отделение головы от тела острым предметом наподобие меча. Орудие убийства так и не было найдено. Голова была поставлена на пол, а глаза подклеены скотчем, чтобы убитый «смотрел» на входящих.

Я киваю, изучаю фотографии и чувствую, как сердце понемногу успокаивается. Теперь я дышу ровнее. Поразительно, что чудовищное убийство, совершенное десять лет назад, способно отвлечь меня от мыслей о Петере. Можно даже притвориться, что его здесь нет, что он не сидит всего в паре метров от меня. Нужно только попытаться. Сконцентрироваться на работе.

Манфред Ульссон опускает папку на стол и говорит:

– Это было одно из самых крупных расследований в современной истории шведской криминалистики. Возможно, самое крупное, если не считать убийства Улофа Пальме. Мы опросили сотню свидетелей, проверили десятки подозреваемых. У нас был окуроч с ДНК, найденный в подъезде, который мог вывести нас на след убийцы. Мы просили помощи общестественности по телевидению. Один журналист даже написал книгу о том деле и утверждал, что Кальдерон стал жертвой чилийских киллеров, которые преследовали политических беженцев в Швеции с негласного разрешения Службы безопасности СЭПО. Помните, Ханне? Я киваю.

– А теперь вот это, – продолжает Манфред Ульссон, выкладывая на стол новые снимки. – В воскресенье было обнаружено тело молодой женщины в особняке в районе Юрскольм. Причина смерти – отделение головы от тела. И, как и в случае с Кальдероном, голову поставили на пол лицом к двери.

– Скотч на глазах?

Я сама поражаюсь тому, что могу говорить, могу задавать вопросы.

Смуглая женщина качает головой.

– Нет, никакой клейкой ленты. И орудие убийства было оставлено на месте преступления. Мачете. Мы проводим экспертизу.

Я смотрю на Петера. Он бледен. Руки сложены на груди. Ему явно некомфортно, и его дискомфорт доставляет мне удовольствие. Маленькое, но удовольствие.

Манфред Ульссон продолжает:

– Насколько я помню, у вас тогда были любопытные мысли о личности преступника. Как вы считаете, это мог быть один и тот же человек?

Я смотрю на снимки перед собой. Вижу смерть и кровь. Это отвратительное зрелище, но от него не отвести глаз. Меня всегда поражала жажда крови в людях. Почему им непременно нужно убивать? И во мне просыпается азарт, желание расследовать дело и вычислить убийцу. Мне хочется составить психологический портрет убийцы, наделить его плотью и кровью. Мне нравится заниматься исследовательской работой, но она не приносит такого удовлетворения,

как полицейские расследования. Я занимаюсь только теориями, но порой так интересно опробовать их на практике. Я понимаю, как сильно мне недоставало сотрудничества с полицией.

– Как вы, наверно, понимаете, я не могу делать выводов, пока не изучу все подробности нового дела, – говорю я. – Пока я могу только сказать, что есть существенные различия. В одном случае жертва мужчина, в другом женщина. И орудие убийства пропало в первом деле и было оставлено на месте преступления во втором. Но есть и сходство. Способ убийства нельзя игнорировать. Логично будет сравнить обстоятельства обоих убийств. Но, видимо, вы этим уже занялись, раз позвонили мне, не так ли?

Полицейский кивает.

– Кто на такое способен? – спрашивает смуглая женщина. – Сумасшедший?

Я улыбаюсь. Этим словом сегодня часто злоупотребляют.

– Все зависит от того, какой смысл вы вкладываете в это слово. Разумеется, можно сказать, что только безумный человек способен на такое чудовищное преступление. Но если бы мы имели дело с психически больным преступником, то он не смог бы так тщательно замести следы преступления и уже был бы схвачен.

– Его?

– Да, потому что большинство убийц мужчины. Особенно когда речь идет о таких кровавых преступлениях. Но, естественно, нельзя исключать возможность, что это женщина. Психология – не точная наука.

– А зачем убийце нужно было ставить голову на пол лицом к двери? – продолжает расспросы женщина.

Я пожимаю плечами.

– Сложно сказать. В прошлый раз мы говорили о том, что преступник хотел унижить жертву, что, скорее всего, он хорошо знал Кальдерона и испытывал к нему сильную неприязнь. Может быть, даже ненавидел. Ненавидел настолько, что хотел продемонстрировать это всему миру. Один метод убийства уже говорит о ярости. Если вспомнить историю человечества, то отрубание головы было наказанием для самых отъявленных преступников. Термин «capital punishment» происходит от латинского капут («caput»), что означает «голова». Сегодня такой способ казни применяют, например, в Саудовской Аравии. В Швеции в последний раз отрубили голову преступнику в 1900 году, но в других европейских странах еще пару десятков лет продолжали практиковать этот метод казни. Например, считается, что около пятнадцати тысячам людей отрубили голову в Германии и Австрии в период между 1933 и 1945 годами. В Европе смерть путем отрубания головы считалась более достойной, чем, например, смерть на виселице или сожжение на костре. Во многих европейских странах к отрубанию головы приговаривали только аристократов и солдат. В других странах, например, в Китае, это, наоборот, считалось недостойной смертью. Кельты отрубали головы врагам и подвешивали к седлам. По окончании битвы их бальзамировали и выставляли на всеобщее обозрение. Этот обычай шокировал римлян. Они решили, что кельты варвары. Но для кельтов это было обычным делом, потому что для них голова символизировала жизнь человека, его душу.

В комнате воцаряется тишина. Я понимаю, что мой рассказ шокировал этих бывалых людей.

– Между жертвами есть какая-нибудь связь? – спрашиваю я.

– Пока неизвестно. Мы над этим работаем, – отвечает Манфред Ульссон. – И в новом деле у нас есть подозреваемый. Мы проверим, связан ли он с Кальдероном.

Я смотрю на фотографию головы женщины. Думаю о том, кто мог сотворить такое с этой несчастной. Что вывело его из душевного равновесия и заставило совершить такое чудовищное преступление?

– Кто она? – спрашиваю, тыкая кончиком пальца в снимок.

Все молчат. За окном падает снег. Ветер разносит крупные белые хлопья, превращая все в белое месиво.

– Мы не знаем, – внезапно говорит Петер и впервые встречается со мной взглядом. Он тут же опускает глаза, но я успеваю заметить в них боль. Другие не заметили возникшего в комнате напряжения. Крупный полицейский снова взял слово:

– Я хочу попросить вас о помощи. В качестве консультанта. Речь идет только о паре часов. Если у вас есть на это время и желание.

Стокгольм укутан пушистым белым снежным одеялом. Я иду по Хантверкангаттан в сторону здания мэрии. Ветер метет снег прямо мне в лицо. Снег приглушает все звуки. Наверно, следовало поехать на метро, но я решила, что лучше пройтись и собраться с мыслями. Встреча с Петером сильно меня взволновала. Из-за снега машины еле ползут. Я медленно иду в сторону центра, прислушиваясь к хрусту снега под подошвами сапог.

Петер Линдгрен.

Поразительно, что мы не столкнулись раньше. Я много сотрудничала с полицией. В те годы я часто думала о том, что он сидит в кабинете где-то поблизости и работает себе как ни в чем не бывало. Тогда одна мысль об этом приводила меня в ярость. От возмущения мне становилось трудно дышать. Но что я могла поделать? Это жизнь. Случается, что люди предают любимых, но жизнь на этом не заканчивается. Хочешь ты того или нет, нужно двигаться дальше. Жизни плевать на твои желания. Она просто идет своим чередом.

Красно-коричневая башня мэрии исчезает в зимнем тумане. Кажется, что она тянется до самого неба и даже дальше – в черный космос, за которым начинается бесконечность. Возможно, наступит день, когда моя память станет так слаба, что и воспоминания о Петере сотрутся, думаю я. По крайней мере я на это надеюсь.

Но есть один нюанс. В худшем случае я могу забыть все, кроме него. Тогда все, что останется в моей памяти, это его тело, его лицо, его слова, его голос.

Мы встретились, когда я работала над делом об убийстве двух проституток в Мэрсте, к северу от Стокгольма. Сперва Петер не произвел на меня никакого впечатления. Он был просто одним из многих полицейских, с которыми я пересекалась по работе. Помню, что я даже сочла его слабаком, в нем была какая-то неуверенность, нерешительность. Он всегда долго подбирал слова, говорил тихо, робел передо мной. Я даже удивилась, что такой человек работает в полиции. Другие полицейские, с которыми мне доводилось работать, были решительными, уверенными в себе людьми и никогда не стеснялись в выражениях.

А потом мы с ним застряли в лифте.

В Полицейском управлении был ремонт. Рабочие случайно перерезали электрический кабель. И в результате лифт, в котором ехали мы с Петером, застрял между вторым и третьим этажами. Внезапно свет выключился, и лифт завис. Через пару секунд зажглась аварийная лампочка на уровне ног, светившая слабым синим светом. Мы долго общались с оператором по аварийной связи, пока в итоге не услышали, что нам ничего не остается, как сидеть и ждать, когда придет помощь.

Мы просидели в лифте три часа, пока на помощь к нам не приехала пожарная бригада. И после этого случая я стала смотреть на Петера по-другому.

Сперва мы просто болтали. Главным образом о работе. О делах, над которыми работаем, о том, как обычные девушки становятся проститутками, несмотря на то что у них не было особой нужды в деньгах. Постепенно мы перешли на более личные темы. Я рассказала о своих отношениях с Уве. Я сама удивилась, что открылась ему и поведала о том, о чем не знают даже самые близкие мои друзья. Но что-то в его характере, наверно, робость и мягкость, расположили меня к нему, и я доверила Петеру свои самые сокровенные тайны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.